# Новый мир. Трансформация

**Автор:**
Анна Урусова

Новый мир. Трансформация

Анна Урусова

Мир, в котором я оказалась, очень похож на наш, но ещё сильнее отличается от него. Здесь есть люди, но нет человечности. Здесь есть магия, но она куда-то исчезает. Про меня сделано пророчество, и сильные мира сего пытаются подчинить меня или убить. Но теперь этот мир – мой, и я не сдамся! Я разберусь с врагами и теми друзьями, что хуже врагов. Я верну магию или найду новую. Я принесу в этот мире лучшее, что придумали на Земле, и из сплава науки и магии родится великая цивилизация. Да свершится Трансформация!

Анна Урусова

Новый мир. Трансформация

Прекрасной художнице Pamerry,

давшей Светлане зримый образ.

Нежно любимым мной p-n-переходу и pp-циклу,

давшим мне силы создать и закончить эту историю.

## Пролог

Пассажирский самолёт итальянской авиакомпании Volotea, выполнявший обычный перелёт между Бриндизи и Венецией, уже скоро должен был заходить на посадку. Некоторые пассажиры дремали, некоторые – читали, слушали музыку или смотрели фильмы. И только темноволосая девушка лет двадцати пяти зачарованно смотрела в иллюминатор. Изредка она обращалась к попутчице – ухоженной даме, которой с равным успехом могло быть и сорок, и шестьдесят лет – предлагая той полюбоваться Адриатическим морем, островами и похожей на гигантского голубя мира Венецией.

Казалось, всё будет, как обычно: посадка, степенный выход пассажиров, получение багажа… Но внезапно небо над Венецией озарила зеленоватая вспышка, и самолёт исчез с радаров. Очень долго наземные службы пытались выйти на связь с экипажем, но только тишина и слабый шум помех были им ответом. Самолёт искали и в небе – с помощью дронов, и в Венецианском заливе – с помощью самого современного подводного оборудования. Но спасателям так и не удалось найти ни одного из пятидесяти пассажиров, ни единой детали. Самолёт пропал, словно его и не было вовсе.

Некоторые особы, причастные к страшнейшим тайнам мироздания, сразу же объявили таинственное исчезновение делом когтистых рептилоидных пальчиков; операцией враждебных инопланетян по массовому сбору образцов для исследований; происками недобитых масонов… Но никто так и не узнал, что же на самом деле случилось в тот день.

И снится нам…

Я очнулась от прикосновения чего-то мягкого и влажного, похожего на пипку кошачьего носа, к моей руке. Лёгкое дыхание щекотало кожу, и я убедилась, что лежу у себя дома на кровати, а вредный мейн-кун Конкистадор снова открыл дверь и пробрался туда, где бывать не должен. Значит, мы с родителями всё ещё не улетели в Италию, а прогулки по старинным городам и полёт в Венецию, завершившийся утонувшим в ослепительном изумрудном пламени самолётом – всего лишь сон.

Конкистадор продолжал обнюхивать мою руку, и я решительно открыла глаза, намереваясь высказать наглому коту всё, что думаю о его поведении. Открыла, и тут же закрыла. Потому что над моей головой медленно раскачивались широкие кожистые листья странного розоватого оттенка, сидевшие на коротких жёлто-зелёных ветках. Этого в моей спальне точно не может быть.

Может быть, я всё ещё сплю?

Я снова открыла глаза, но ничего не изменилось – листья, ветки, ощущение щекочущего и влажного тепла на руке. Скосила глаза вправо и вниз – надо же понять, откуда в этом странном месте оказался мой любимый жёсткий и немного пружинящий матрас. Нет, во сне, конечно, всё возможно, но какая-то внутренняя логика должна быть. Если уж лес, то никаких матрасов!

Матраса и впрямь не было. Я лежала на чём-то большом и коричневатом, судя по торчащему из-под моего плеча краю – округлом или сферическом. Шляпка гриба? Меня разобрал нервный смех: сон это или явь, но всё становится слишком уж похоже на книги Кэррола.

– Почему ты смеёшься, двуногая? – Ленивый голос, с мурчащими интонациями, растягивающий «ррр», мог принадлежать только коту. Вот только коты, говорящие по-итальянски, хоть и с ошибками, мне пока не попадались. Впрочем, если это сон по мотивам «Алисы», то ничего удивительного. Кот мог и на древнеегипетском заговорить.

– Потому что я сплю, и мне снится забавный сон по мотивам Кэрроловской Алисы. Которую я, кстати, не особо люблю. А до этого мне снилось, что мы летим в самолёте, и нас накрывает изумрудно-зелёное пламя. – Я наклонила голову, стараясь рассмотреть кота. Но увидела только серо-белую голову, торчащее практически параллельно земле ухо, и шикарные белые усы. Значит, кот достаёт

до моей руки, сидя на земле. Отлично, можно вставать без опасений. Хоть это и сон, скорее всего, но падать всё равно не хочется.

– Вот так новость. Ты не знаешь нашего языка.

Кот смешно шевельнул ухом, и лизнул мою руку. Удивительно, но его язык не был шершавым, как у земных пушистиков. Но почему он меня не понял? Я говорила по-русски, но это же сон! Тут не должно быть разницы в языках! Ладно, повторим всё по-итальянски. Вот так учишь язык, чтобы читать Данте в оригинале, а в итоге со сновидческими котами разговариваешь.

– О, так ты знаешь наш язык? А на каком в первый раз говорила?

Всё-таки это не ошибки. Этот итальянский слегка отличается от того, который знаю я. Немного другие числительные, некоторые предлоги употребляются иначе. Понять можно, и без проблем. Но какого дьявола? Неужели мой мозг способен изобрести для сна вполне логичную версию знакомого мне языка? Ладно, сейчас встанем с грибной постельки, всё осмотрим и хорошенько подумаем.

С этой мыслью я села на грибе, свесила ноги и, не удержавшись на гладкой пружинистой поверхности, съехала вниз.

И сразу же поняла, что фатально ошиблась, оценивая, на какой высоте я нахожусь. Хорошо ещё, что падала я медленно, плавно, успевая разглядеть пухлые бежевые грибные ножки и тонкие, покрытые жёлто-зелёной корой, стволы деревьев. Интересно, насколько же здесь сила тяжести меньше земной? И почему я раньше этого не почувствовала? И, всё-таки, сон это или нет?! Потому что если нет, то у меня очень, очень большие проблемы.

Внезапно по моей шее скользнули два острых клыка, затем что-то шерстяное и мягкое и, наконец, влажный кошачий нос уткнулся мне в затылок, зубы сомкнулись на вороте блузки, и моё падение остановилось. Уж не знаю, каким образом, но кот отбуксировал меня на сухую желтоватую землю и отпустил только тогда, когда убедился, что я твёрдо стою на ногах.

– Глупая двуногая. Не умеешь летать, а прыгаешь с высоты. Или ты думала, что тут появится этот твой самолёт?

–Как ты это сделал?

Я не стала долго объяснять коту, что оценивала высоту гриба по его голове, и вообще до сих пор не совсем уверена, что всё происходящее – не сон. Гораздо важнее было понять, как кот умудрился поймать меня в воздухе, и плавно опустить на землю. Ну ладно, на гриб смог бы залезть любой кот: цепляйся когтями и лезь, грибы – штука мягкая. А вот дальнейшее никак не укладывалось в моей голове. Вот он сидит передо мной и глядит с фирменным кошачьим прищуром: серо-белый, остромордый, худой и длиннолапый. Обычный, в общем-то, кот. Из странностей – только уши, торчащие под прямым углом к голове. Крыльев нет, да и не слышала я никакого шума, пока кот тащил меня вниз. Но как тогда, как?

– Сделал что?

– Опустил меня на землю.

– Легко. Взял тебя за ворот, и полетел. В твоём мире коты не летают?

– Нет. А как ты держишься в воздухе? У тебя же нет крыльев.

– Пфф. Местные двуногие прекрасно умеют летать, не имея крыльев. Которые, кстати, у меня есть. – Кот повёл лопатками, и два больших крыла возникли буквально из ничего, прикрепившись к пушистой спине. – Давай так: ты мне сейчас всё о себе рассказываешь, а я расскажу тебе, что это за мир. Иначе мы так ещё долго будем друг друга не понимать. Примерно день у нас есть.

– А что будет потом? – Я поёжилась, ожидая любого ответа, от «потом я тебя съем» до «потом мир будет уничтожен взбесившимися троглодитами».

– Потом сюда придёт орден святого Меноккио – они обязаны следить за этой точкой выхода, тебя расспросят, и, скорее всего, отведут в Новую Венецию. Пойду ли я с тобой – вопрос, не люблю бывать в человеческих городах.

– И что со мной сделают потом? – Я надеялась, что это прозвучало не слишком испуганно.

– Не знаю. Зависит от того, почему ты тут оказалась.

– Понятно. Только я сама не знаю, почему тут оказалась. – Я села прямо на землю, обхватив коленки, обтянутые модными голубыми джинсами. – Зовут меня Светлана Раева, мне двадцать шесть лет. Родилась в России, в городе Новороссийск, в семье моряка и оперной певицы. В школе училась на отлично по всем предметам. Мне всё давалось легко, но особых склонностей к какому-то предмету не было. Потом поступила на лингвиста, поучилась пару лет – не понравилось. Потом пару лет училась на астронома, поняла, что не моё. Папа устроил работать в одно интернет-издание для военных, было весело. А этой весной решили с семьёй слетать в Италию, давно хотели там побывать. Были в Риме, были в Бриндизи, полетели самолётом в Венецию, почти уже прилетели, и вошли в какое-то изумрудно-зелёное пламя. Потом я потеряла сознание, а очнулась уже здесь. Вот.

– Так. У вас тоже есть Венеция, и язык ты наш знаешь. Значит, ты пришла с Терры. Это хорошо – быстро освоишься на Террине.

– Терриной вы называете этот мир? – В принципе, это и так было понятно, дать такое название новому миру мог только человек, сильно скучающий по Земле, которая по-итальянски, как раз таки, Терра. Но уточнить всё равно стоило.

– Да. Сейчас расскажу тебе историю нашего мира, и ты всё поймёшь. – Кот улёгся, положив голову на передние лапы, и широко зевнул. – Писание говорит, что по летоисчислению мира-прародителя то был 1586 год. Отец Меноккио, сидя в тюрьме инквизиции, смог подслушать разговор двоих высокопоставленных священников о том, что пора бы покончить с мерзкими бенанданти[1 - Участники частично уцелевшего до наших дней древнего земледельческого культа Северной Италии, который привлек внимание инквизиторов в конце XVI века своими ритуальными ночными сражениями с ведьмами и колдунами за урожайность посевов и плодовитость домашнего скота. В число бенанданти входили мужчины и женщины, родившиеся "в сорочке", то есть в оставшейся вокруг тела и особенно головы внутренней оболочке плода.]. Пока всё понятно?

– Да. Продолжай, пожалуйста.

– Отец Меноккио смог предупредить своего сына об облаве. Среди бенанданти были люди разных сословий, и место в их внутренней иерархии определялось не

деньгами или родом, а только личной силой и способностью противостоять злым колдунам. И Захария был одним из сильнейших. Получив от отца предупреждение, он направился в Венецию, к Антонио Моста, сыну предыдущего дожа. Вместе они собрали всех бенанданти, которых только смогли найти, и в 1587 году отплыли на восток, в поисках свободы и лучшей жизни. Больше о них в Венеции никто не слышал. Дело в том, что не успел корабль выйти из залива, как его поглотило изумрудно-зелёное пламя. – Кот прищурил глаза и снова зевнул. – А потом они все оказались здесь. И не только они. Несколько крылатых котов[2 - Подробнее о крылатых котах Земли можно прочитать в рассказе «Мира, крылатая кошка».], оберегающих бенанданти, прошли сквозь Врата вместе с ними. Только на Земле они не могли нас видеть, там для этого слишком мало свободной энергии. А здесь её много, и мы можем материализоваться. Вот так.

– Я читала историю Меноккио. – Я тяжело вздохнула. Нет, такой забористый бред ни одному сну не под силу выдать. Я всё-таки попала в другой мир. Не то фэнтези я читала, ой не то. Книги Робин Хобб и Андрэ Нортон мне сейчас ничем не помогут. Помнится, попаданцы были в Гобеленах, но тут скорее надо молиться, чтобы этот мир был максимально не похож на Фьоннавар. – Как тебя зовут?

– Канделиус.

– Канделиус, ты говорил, что сюда перенеслись все, кто был на корабле. Значит ли это, что здесь все пассажиры самолёта? Просто нас выкинуло в разных местах. – Я сжала кулаки, надеясь, что кот скажет «да».

– Нет. С тех пор ещё три раза к нам приходили жители Терры, но всегда в одиночку. И всегда они путешествовали на чём-то, на чём были и другие люди. – Непрошенная слеза скатилась по моей щеке. Что же сталось с мамой и папой? Неужели они погибли? – Тихо, не реви. Наши учёные думают, что перемещения происходят, когда в одном месте собираются люди, нужные нескольким мирам. Это даже подтверждают какие-то факты. Так что не переживай: твои родители, скорее всего, живы. Не уверен, что они вместе, или что вы ещё увидитесь, но радуйся хотя бы тому, что они живы.

– Понятно. – Я вытерла лицо и с надеждой спросила. – А эти люди, которые приходили сюда до меня, они смогли вернуться домой?

– Только если после смерти, переродившись. – Кот встал и потянулся. – Так, ты скоро проголодаешься, а охотиться ты точно не умеешь. И не знаешь, кого тут можно есть, а кого не стоит. Так что сиди здесь, и жди меня.

За спиной Канделиуса развернулись крылья, кот подпрыгнул, оттолкнувшись задними лапами, и вскоре скрылся между деревьями. А я легла на землю и позорно разревелась.

Вдоволь наплакавшись, я решила наконец-таки выяснить, что осталось в моих карманах после перемещения между мирами. Собственно, там и было-то немного: смартфон и несколько евро, которые я зачем-то сунула в карман, купив сок в зале ожидания. Хорошо хоть смарт был заряжен на полную и выключен – мама ужасная паникёрша, и требует от нас с отцом отключать телефоны в самолёте. Европейские деньги образца 2018 года тут бесполезны, разве что коллекционеру какому-то загнать, как иномирную диковинку. Есть довольно дорогие украшения, но это в нашем мире, продав комплект украшений из коралловой коллекции Микимото, я могла бы спокойно прожить два-три месяца. Нет никакой гарантии, что в этом мире они будут стоить хоть что-то. Итог: денег нет, особо полезных вещей нет, каких-то уникальных знаний тоже нет. Не считать же таковыми начальные разделы физики, астрономии, астрофизики и лингвистики. Так зачем я понадобилась этому миру?

Кот вернулся, неся в зубах мелкого зверька, похожего одновременно на белку и на кролика. Крови на мягком мехе видно не было, наверное, у зверька была свёрнута шея.

– Вот. Двуногие называют их кониттоло. Вкусные зверюшки.

Канделиус положил добычу у моих ног, отошёл на пару метров и принялся умываться. А я смотрела на животное и чувствовала, как внутри меня разгорается паника. Как я должна это приготовить?!

В книгах, которые я читала, всё получается легко и просто: шкурку – на перчатки, внутренности – дружественному зверю, мясо – на прутик и на костёр. Ну, зверь у меня есть, и костёр я смогу развести. А как этого кониттоло разделывать вообще?

Я присела на корточки и принялась разглядывать зверя. Длинные округлые уши, мощные задние лапы с тупыми, плоскими когтями; пушистый хвост, чуть короче беличьего. Мех коричневый с красноватым отливом, густой. Передние лапки совсем короткие, но каждая с четырьмя хорошо развитыми пальчиками. Действительно, кроликобелка.

– Не волнуйся, он правда съедобный. Я такого и себе поймал, уже съел. – Канделиус закончил вылизываться и, не мигая, принялся смотреть на меня. – Веток для костра я тебе нарву наверху, огонь вызывать умею – будет, на чём жарить.

– Огонь, это хорошо. Но я же не буду жарить его прямо так.

– Двуногие обычно снимают шкуру, отрезают голову и вынимают внутренности. Глупые. Самое вкусное, и не едят. – Кот облизнулся. Потом наклонил голову и задумчиво проговорил, почти промурчал. – Я понял: у тебя нет ножа. И ты не умеешь свежевать животных.

– Да.

– Не переживай, я тебе помогу. Сейчас я вспорю ему брюхо, тогда ты сможешь пальцами отодрать шкуру от плоти. Ну и голову отгрызу, так и быть.

Стоило представить, как я голыми окровавленными руками отрываю шкуру кониттоло, как меня затошнило. Нет, и ещё раз нет! Я не вегетарианка, люблю вещи из натуральной кожи и меха, но освежевать зверька, в прямом смысле, собственными руками?! Должен быть другой выход.

– Ну, чего ждём? Через три часа стемнеет. Хоть из долины и будут видны огни Сегретты, но этого света тебе не хватит, чтобы справиться с кониттоло. А поджигать весь лес я не намерен.

– Что за Сегретта?

– Городок, перекрывающий вход в это место. Не отвлекайся.

– А там можно купить еду? – Я задержала дыхание. Ответь «да», милый Канделиус, ну пожалуйста.

– Можно, наверное. Я уже лет пятьдесят не живу среди двуногих. Но вряд ли у них всё настолько изменилось.

– А ты сможешь меня туда отнести?

– Отнести не смогу – ты для меня слишком тяжёлая. Зачем тебе туда понадобилось? Давай, разделывай кониттоло.

– Я не могу. Правда. – Я жалобно посмотрела на кота. – Я понимаю, что у меня нет местных денег, но я что-нибудь придумаю. Ну скажу, что я иномирянка, и за меня заплатит Орден Меноккио. Заплатит же?

– Может сработать. И мимо Сегретты они точно не пройдут – других дорог нет. Уверена, что не будешь есть кониттоло?

– Я бы с удовольствием, но я правда не смогу руками содрать с него шкуру.

– Какие вы всё-таки хлипкие, двуногие. – Канделиус подошёл к тушке, и ткнул её лапой. Тут же кониттоло исчез, а за спиной кота выросли крылья. – Я буду лететь перед тобой, показывать дорогу. Если ходишь ты лучше, чем обращаешься с дичью, то через полтора часа будем на месте.

Мерно взмахивая крыльями, кот полетел вперёд. Я озадаченно посмотрела на место, на котором лежала тушка: и как Канделиус это сделал?

Склон был очень пологим, так что идти было легко. Мне даже почти не было жаль моих остромодных летних сапожек из денима. Интересно, есть здесь подобная обувь? Что тут вообще носят?

Бежевые грибные, и жёлто-зелёные древесные стволы становились всё меньше и меньше. Сначала десятиметровые исполины превратились в пятиметровые, потом – в трёхметровые. Потом красноватые листья нижних веток стали цеплять мои волосы, при том, что во мне всего сто семьдесят сантиметров роста. Когда мы с Канделиусом вышли на ровную поверхность, грибы и деревья уже были мне

по пояс.

Впереди, метрах в пятидесяти от нас, насколько хватало взгляда, тянулась стена, выглядящая так, словно её целиком отлили из чистого серебра. Высотой стена была метров пять. И ворот в ней не было.

– И где здесь Сегретта?

Я надеялась, что кот промурчит какое-нибудь заклинание, и город станет виден. Но он, не останавливаясь, вытянул переднюю лапу вперёд.

– Там, за стеной. Сразу за воротами.

– За какими воротами?

– Ты их пока не увидишь. Они специально сделаны против таких, как ты. Против иномирян.

– Дружелюбные тут живут люди, ничего не скажешь. Они что же, до сих пор боятся инквизиции?

– Нет. Терра – не единственный мир, откуда приходят гости. И не всегда эти гости полезны или безобидны.

Разговаривая, мы с Канделиусом почти дошли до стены. Это было потрясающее сооружение: жидкий металл, больше похожий на ртуть, чем на серебро, плавно двигался по спирали, не ограниченный ничем.

– А когда совсем стемнеет, она будет светиться. Неярко, но всё равно заметно. – Кот замер перед стеной, затем опустился на землю и заставил крылья исчезнуть. – Теперь надо провести тебя сквозь стену. Выбирай: листик съешь или гриб?

– Так грибы съедобные? И ты всё это время молчал? – Пылая праведным гневом, я сложила руки на груди.

– Грибы ядовитые, и листья тоже. Если съесть их много. А если одну штучку, то ничего страшного с тобой не случится. По-другому пройти сквозь стену нельзя. Советую есть листик, они не такие противные.

– Хорошо. – Я наклонилась и оторвала с дерева, сравнявшегося размером с карликовыми берёзами тундры, лист. – Может объяснишь, зачем такие сложности?

– Здесь естественная точка перехода, я говорил. Не всегда иномиряне мирные и полезные. Агрессивные и хищные создания попадаются намного чаще. Для защиты от них Совет построил эту стену, привязав её к принадлежности этому миру. Но бывают же и полезные гости. Для них оставили проход – эти грибы и растения. А чтобы не получилось так, что какой-то монстр просто сожрал их с голоду, сделали ядовитыми. Причём, чем больше ты их съешь, тем опаснее яд. Скуола алхимиков год трудилась в полном составе.

– Понятно.

Я засунула в рот лист и, не жуя, проглотила. Надеюсь, у кота нет каких-то тайных причин желать мне смерти.

Снова посмотрела на стену. Никаких изменений. Быть может, нужно подождать, пока лист переварится?

– Что стоишь? Иди давай.

– Куда? Я всё ещё не вижу ворота.

– И не должна. Здесь ворота – особое место в барьере, удерживающем гранталл. Я его вижу, сильные бенанданти его видят. Ещё один уровень защиты. Просто иди вперёд.

Чувствуя себя Гарри Поттером, я сделала шаг вперёд. И ещё один. На третий шаг я вошла в чудесную стену. Находясь внутри, я отчётливо видела движение и свечение металла. Казалось, что я стою посреди плотной серебристой воды, почему-то не касающейся моего тела. Это было потрясающее зрелище, которым хотелось любоваться и любоваться, но я продолжила идти. Воздух в лёгких

заканчивался, а вдыхать внутри стены я опасалась. Кто знает, вдруг это ещё одна система защиты, о которой Канделиус не знает или не помнит.

На то, чтобы пройти стену насквозь, понадобилось пятнадцать шагов. Когда я вынырнула из жидкого металла, кот уже сидел возле стены, и сосредоточенно вылизывал крыло.

Буквально в пятистах метрах передо мной была ещё одна стена: каменная, замшелая, местами выщербленная, прорезанная мощными железными воротами.

– Добро пожаловать в один из старейших городов Террины.

Кот перестал вылизываться и пошёл вперёд. Я последовала за ним.

## Коготок увяз – всей птичке пропасть

Подойдя к воротам, я остановилась, соображая, что теперь делать. Из воспоминаний по земной военной истории и прочитанных книг я знала, что возле ворот обычно бывают башни, на которых сидят вооружённые до зубов стражники. Башни были. Как и положено: круглые, каменные, с острыми крышами, крытыми волнистой красной черепицей. Но из бойниц башен никто не высовывался, желая узнать, что делает в сумерки у городских стен одинокая странно одетая путешественница.

– И как нам попасть внутрь?

– Да просто толкни ворота. Они облегчённые. Это днём тут двуногие из галереи бывают, в старинных кирасах, с мушкетами и пищалями. Ну и для путешественников сценку входа в старинный город разыгрывают. А сейчас для кого стараться?

Мда, вот почему я была уверена, что они тут остановились на уровне развития, соответствующем Возрождению?

– То есть, Сегретта – город музей?

Я толкнула ворота, и действительно, обе неподъёмные на вид створки с лёгкостью двинулись внутрь. Странно. Элементарная же вещь: если не хочешь, чтобы твою дверь выбил кто-то, стоящий снаружи, не делай её открывающейся вовнутрь. Мне казалось, это ещё древние римляне знали.

– Что такое музей? – Выслушав моё объяснение, кот важно кивнул. – В основном. Ещё база для скуолы Свободных Воинов, один из семи городов, в которых есть Университас дель Арс[3 - Университет искусств, дословно – общность искусств. Искажённые латынь и итальянский], ну и так, по мелочи: отделение госпитальеров, всякие ремесленные скуолы, народные школы. В общем, идём уже в город – сама всё узнаешь.

Да что за странный сплав фэнтези с современностью тут творится?

Но толком рассмотреть город мне не удалось. Я успела пройти примерно сто метров, и увидеть только высокий двухэтажный дом, покрытый разноцветными витражами от первого этажа до крыши, как кот припал к брусчатке, зашипел и яростно забил хвостом по камням, глядя в небо.

– Беги в дом! Быстро! Если понадобится – выбей окно! Будешь внутри – прячься в комнату без окон!

К сожалению, спрятаться я не успела. Всего лишь на секунду я подняла голову, желая разглядеть угрозу, и эта секунда стала решающей. Трое покрытых мехом существ, держащихся в воздухе на двух парах огромных стрекозиных крыльев каждое, подхватили меня под мышки, и потянули вверх.

Единственный совет, который я усвоила из всех папиных рассказов о самообороне: если тебя куда-то тащат против твоей воли – расслабься, так ты усложнишь противнику задачу. То ли расслабиться у меня так и не получилось, то ли существа были намного сильнее обычного человека, но совет не сработал. Без видимых трудностей меня подняли выше городских крыш и споро понесли куда-то. Судя по проплывающим подо мной домам, в центр города. И что мне не сиделось в горах и не свежевалось кониттоло?

Мне было настолько страшно, что я не могла ни рассматривать крыши, ни собственных похитителей. Из всего полёта я запомнила только жёсткие лапы, вцепившиеся в кожу, и неотступно преследующую меня фразу «коготок увяз – всей птичке пропасть».

Приземление было жёстким. Твари, не сбавляя скорости, неаккуратно поставили меня на пол, не заботясь о том, чтобы замедлиться и погасить инерцию. Естественно, я не удержалась на ногах, и чуть не разбила себе лицо о камни. Хорошо хоть успела выставить руки вперёд и «легко отделалась» стёсанными в кровь ладонями.

Странный свистящий смех сопровождал моё прибытие.

Я замерла, не в силах поднять голову и посмотреть в лицо тем, кто так странно смеялся. Ведь если опасности не видишь, то её вроде бы и нет?

Подняться меня заставили просто: схватили за волосы, и дёрнули вверх. Доходчиво, ничего не скажешь.

Встав на ноги, я волей неволей увидела хозяев летающих тварей. Передо мной стояли трое существ, похожих на оживший кошмар. Их вытянутые морды были покрыты чёрной чешуёй, слабо мерцающей в тусклом свете, источник которого я не видела. Высокие, не меньше двух метров, они не носили одежды как минимум до пояса – смотреть дальше мне совершенно не хотелось. Мощные руки были похожи на человеческие, но предплечье было намного длиннее плеча и заканчивалось шестипалой ладонью с двумя противолежащими большими пальцами: по одному с каждой стороны ладони. Когти на этих пальцах сделали бы честь Росомахе.

Центральный ящер издал несколько шипящих звуков. Стоящий справа от него зашипел и защёлкал. Третий их сородич сохранял молчание. Хотела бы я знать, о чём они разговаривают. Интересно, едят ли они людей?

Ящеры раздвинулись, и из-за их спин ко мне шагнул самый настоящий человек. Вот только выглядел он очень и очень странно. Длинный красный плащ развевался за его плечами, на тело было надето доходящее до колен белое одеяние, отдалённо похожее на греческую тунику. Волнистые светлые волосы, расчёсанные на прямой пробор, обрамляли лицо типичного итальянца. Вместе с

небольшой бородкой и тонкими усами всё это делало человека похожим на нечто среднее между Понтием Пилатом и Христом. Интересно, это тут мода такая или у него мания величия?

– Кто ты такая? – Он смерил меня пренебрежительным взглядом.

– Я… – Интересно, в каком случае мне достанется меньше? Если я скажу правду или попытаюсь прикинуться местной жительницей? Сам он явно терринец, ибо разговаривает на местном итальянском, да ещё и без акцента. А значит, раскусит меня в два счёта, прикинься я здешней.

– Меня зовут Светлана, и я тут всего два дня. Отпустите меня, пожалуйста. – Я расплакалась безо всяких усилий.

– И кто же привёл тебя сюда, Светлана?

Он пристально рассматривал меня, даже не пытаясь скрыть это. Хотя чего ему опасаться, спрашивается? Не знаю, что тут произошло, но он явно хозяин положения.

– Не знаю, какие-то местные жители. Я спустилась с горы, ходила вокруг серебристой такой стены, а потом стала кричать. Ну и пара человек вышли, услышав мои крики. Сказали съесть гриб. Вот так я сюда и попала.

– Понятно. Отведите её в тюрьму. Будем допрашивать. – Правый ящер снова засвистел и защёлкал, и человек покачал головой. – Не надо палачей. Я сам ей займусь попозже.

Не отдавая себе отчёт в том, что делаю, я кинулась бежать. Благо, за волосы меня уже никто не держал.

Естественно, далеко убежать я не смогла. Сделав несколько шагов, я почувствовала, как какая-то неведомая сила прижимает меня к камню. Потом эта же сила подняла меня в воздух и заставила принять позу эмбриона.

– Свяжите её, пока я её держу. И отнесите в тюрьму.

Ящеры сноровисто обмотали меня верёвкой и затянули её так сильно, что я почувствовала себя большой рыбой, попавшей в очень маленькую сеть. Потом один из них с лёгкостью взял меня под мышку и, широко шагая, куда-то понёс.

Развязали меня только в камере – узком тёмном помещении размером примерно два на три метра, отделённом от других камер толстыми железными решётками. Единственным, что было в моей камере, оказался – нет, мне это не почудилось! – пушистый ковёр неизвестного цвета. В другое время я бы с удовольствием поразмыслила о том, как ковёр тут очутился, но сейчас было совершенно не до этого.

– Эй, есть тут кто живой?

Тишина. Глухая, давящая тишина. Я повторила свой вопрос ещё несколько раз, в последний раз сорвавшись на крик. Ничего.

Спустя некоторое – не особо большое – время я поняла, чем так страшна пытка тишиной. Потолок камеры давил на меня так, словно именно здесь все 10 g вместо стандартных 9,8. Тьма начала казаться живой и дышащей, скапливающейся в углах, сочащейся сквозь решётку, тянущей ко мне свои бесформенные пальцы. Мой смартфон всё ещё был при мне, и я могла бы включить его. Но это было ещё страшнее. Кто знает, какими силами владеет тип в красном плаще, и смогут ли противопоставить ему что-нибудь наши земные армии. Пусть лучше ничто, кроме одежды, не выдаёт во мне чужачку.

А тьма всё давила. Кажется, я бы обрадовалась даже крысиному писку, хоть и недолюбливаю хвостатых тварей. Я громко читала стихи до тех пор, пока не сорвала голос. И даже тогда я, хрипя, продолжала декламировать. Когда за мной пришли, я как раз дочитывала любимое стихотворение Северянина:

– Так как же не расхохотаться,

Не разрыдаться, как же жить,

Когда возможно расставаться,

Когда возможно разлюбить?!

Увидев ящера, отодвигающего часть решётки в сторону, я резко осеклась, понимая, впрочем, что это бессмысленно. Он уже слышал – не мог не слышать, как я разговариваю на русском. Он расскажет об этом своему хозяину. И кто знает, какие выводы тот сделает из всего этого. От сознания своей глупости хотелось завыть, но ящер не дал мне такой возможности.

От резкого удара в живот я согнулась, кашляя и хватая воздух ртом, а ящер принялся деловито обматывать меня верёвкой. Закончив, он поднял меня и куда-то понёс. Мне оставалось только тихо всхлипывать в коленки, вспоминая презрительный взгляд человека в красном плаще и его обещание заняться мною позже.

Его глаза – подземные озёра…

От неудобной позы скоро затекли спина и шея, разболелась голова. Так что, когда меня боком опустили на что-то мягкое, я даже обрадовалась. Что бы со мной не собирался сделать тип в плаще, вряд ли это будет намного хуже того, что было в тюрьме и по дороге оттуда.

– Если пообещаешь вести себя хорошо – я тебя развяжу.

Знакомый голос прозвучал так близко, словно говорящий стоял прямо надо мной. Когда он успел подойти? Я не слышала звука шагов.

– Я буду хорошо себя вести, правда.

– И убегать больше не будешь?

– Не буду. Я просто очень испугалась, когда ты приказал отвести меня в тюрьму, и пообещал заняться мною лично.

Тихий смех, и верёвка начинает медленно сползать с меня.

Как хорошо снова иметь возможность выпрямиться! Я открыла глаза, но переворачиваться пока что не стала. Кто знает, вдруг этот тип взбесится, если что-то сделать без его прямого приказа.

Лёжа на боку, я могла видеть только часть комнаты: письменный стол, простое деревянное кресло даже без мягкой подушечки для сиденья. Стены были покрыты фресками, очень похожими на античные. Я опознала только два сюжета: похищение Европы и Данаю.

– Вставай.

Теперь голос звучал за моей спиной. Я послушно встала, медленно повернулась. Тип в красном плаще возлежал – по-другому и не скажешь – на каменном ложе. Интересно, они тут подушки принципиально не используют? Или он местный йог?

– За моей спиной две двери. Правая ведёт в купальню. Левая – в коридор. Сделай правильный выбор.

Обойдя мужчину по широкой дуге, я толкнула правую дверь. Надеюсь, кроме купальни тут есть ещё и туалет.

В отличие от комнаты, купальня не заигрывала с античной историей. Просторное помещение было поделено на две части. В одной стояла огромная ванна, над которой парило несколько разноцветных шаров. Ни крана, ни каких-то труб видно не было. Я решила, что для включения воды используют шарики.

Туалет был в другом помещении и выглядел почти похоже на наши, земные. Только вместо бачка была спинка, и всё сооружение моментально приняло форму моего тела, стоило мне опуститься на него.

Вернувшись в половину с ванной, я разделась, залезла в монументальную ёмкость и, недолго подумав, прикоснулась к красному и синему шарам. Помнится, кто-то из однокурсников, интересовавшихся достижениями нейробиологии, авторитетно утверждал, что холодную и горячую воду во всём мире маркируют одинаково, так как ассоциации с красным, как с цветом огня и тепла, одинаковы для всего человечества и происходят из какой-то там древней системы в мозгу. Логично предположить, что у местных представителей

человечества эта древняя система никуда не делась.

Спустя пару секунд после касания шары засветились, зажужжали и принялись прицельно плеваться в меня какой-то остропахнущей жижей. Я инстинктивно закрыла глаза, чувствуя, как всё моё тело покрывается твердеющей на воздухе субстанцией. Шары жужжали и плевались с минуту, не больше. Но этого времени мне с лихвой хватило, чтобы превратиться в скульптуру «девушка, сидящая в ванной». Интересно, к какому искусству это бы отнесли земные искусствоведы: к классическому или к современному?

Так я и лежала, не в силах ни пошевелиться, ни позвать на помощь. Ну, хоть не мёрзну, и на том спасибо. В металлической ванне у меня бы уже зуб на зуб не попадал от холода. По моим внутренним ощущениям прошло не меньше часа, когда моё уединение нарушил похититель.

– Как себя чувствуешь?

Всё, что я смогла – жалобно промычать что-то нечленораздельное. Губы то жижа тоже залепила.

– Вот и наказание за враньё. Если бы ты действительно провела в городе целых два дня, то знала бы, что спрятано в этих шарах, и как добыть воду. Ещё врать будешь?

И как я, по его мнению, должна ответить?

– Ладно, авансом освобожу тебя. Но запомни, в следующий раз наказание за ложь будет намного болезненнее.

Не знаю, что он сделал, но на меня полилась приятная тёплая вода. В которой эта омерзительная субстанция и растворилась. Едва вода освободила мои руки, как я принялась плескать её себе на лицо и остервенело умываться: за сегодняшний день я провела в темноте намного больше времени, чем мне хотелось бы. И первым, что я увидела, открыв глаза, был мой похититель, бесстыдно наблюдающий за сидящей по пояс в воде мной. Мда. Ситуация.

– Нравлюсь?

Он что, надеялся, что я заору и спрячусь под воду? Судя по краске, залившей его лицо – да. Какая прелесть. Тут что, так и не было сексуальной революции?

– Купайся. Мыло не нужно – его в ванне и так хватает. Одежду я положил на полу у двери. Вытираться не нужно, как только ты выйдешь из ванны – подует тёплый воздух, он тебя высушит.

А он ещё не совсем стесняшка: покраснеть – покраснел, а отвернуться и не подумал. Но что же всё-таки это за мир? Магия? Высокоуровневые технологии? Как мне разобраться в увиденной смеси Средних веков, античности и ещё непонятно чего. Право, лучше бы это был Фьоннавар. Там хоть сеттинг понятен.

– Может, расскажешь мне об этом мире, пока я буду ванну принимать?

Я, конечно, не из стеснительных, но полностью одетый мужчина, истуканом стоящий над обнажённой мной, всё-таки нервирует. А вот бояться его уже не получается. Без плаща и своих рептилий он выглядит скорее учёным, чем жестоким полководцем. А может я просто устала бояться. Слишком много всего случилось сегодня.

– Нет. Мы поговорим за ужином.

Похититель наконец-то оставил меня в одиночестве. Надо бы всё-таки спросить, как его зовут.

В ванне хотелось посидеть подольше. В идеале – до того момента, как этот мир поймёт, что я ему бесполезна, и отправит меня обратно. Благо, вода не остывала. Но голод оказался сильнее, властно выгнав меня из временного убежища.

Потоки тёплого воздуха, похожие на лёгкий ветерок – замечательная штука! Лучше любого полотенца! Я полностью обсохла, не успев дойти до аккуратно сложенного чего-то красного, лежащего, как мне и обещали, у двери. При ближайшем рассмотрении это что-то оказалось туникой наподобие той, которую носил мой похититель. Была она мне, естественно, широка и длинна. И, если ноги скрытые до лодыжек ноги выглядели прилично, то грудь была надёжно прикрыта только спереди. В общем, ужинать мне сегодня словно чопорной английской леди, прижав локти к бокам. Ибо дразнить человека, нагло

пялящегося на меня в ситуации, когда нечем прикрыться, это одно, а вот намеренно его провоцировать – совершенно другое.

Пока я затвердевала, а потом отмокала в ванне, в комнате произошли некоторые перестановки. Кресло и полностью заставленный блюдами стол оказались придвинуты к ложу. Похититель снова возлежал на голом камне, изображая йога-патриция. Интересно, как он собирается есть? Или роль раба отведена мне?

– Устраивайся поудобнее. – Он указал взглядом на кресло. – И да, меня зовут Доменике Орсеолли.

Я скептически посмотрела на кресло, но села. Ничего страшного, лучше сидеть за столом на жёстком кресле, чем сидеть под столом или вообще прислуживать за ним.

– Так всё-таки, что это за мир? Канделиус рассказывал мне кое-что, но я уже перестала понимать хоть что-либо.

Я приоткрыла ближайшее блюдо, и глубоко вдохнула божественный запах, поднимающийся от залитых густым соусом квадратных кусочков чего-то или кого-то.

– О великий Меноккио, неужели в нашем родном мире совсем позабыли о манерах? Сначала еда, потом, за десертом и вином, разговоры. Я надеюсь, ты сможешь справиться одной лишь ложкой?

– В вашем родном мире успели изобрести вилки и ножи. Но я постараюсь действительно забыть о манерах и есть ложкой. Мне вот только интересно, как будешь есть ты? Я не вижу здесь рабов.

Ненавижу, когда со мной обращаются, как с дурой! Ненавижу!

– Будешь дерзить – увидишь. – Взгляд Доменике потяжелел, и я внезапно вспомнила, почему бросилась бежать, когда он сказал, что займётся мной сам. Уточнять, где именно я увижу рабов, я остереглась. – Я, да будет тебе известно, один из сильнейших бенанданти поколения. И мне нет нужды пользоваться столовыми приборами или чьей-то помощью.

Крышка с плоского блюда аккуратно взлетела вверх, открыв несколько кусочков белого хлеба, на которые были уложены ломти чего-то, похожего на запечённый паштет. Один из бутербродов взлетел, ловко обогнул крышку и завис перед самыми губами Доменике. Стоило тому откусить кусочек, как бутерброд плавно опустился на серебристую тарелку, стоящую перед мужчиной. Ничего себе!

– Прости. Я не хотела тебя оскорбить. Я же не знала, что ты умеешь такое.

Поймав ещё один презрительно-усталый взгляд, я сочла за лучшее молча приняться за еду.

Когда мы покончили с основными блюдами, а еда здесь, надо сказать, не так уж далеко и ушла от знакомой мне итальянской кухни, Доменике заставил почти всю посуду вылететь за дверь. На столе остались лишь несколько блюд с фруктами и маленькими пирожными, небольшая глиняная амфора, закупоренная сургучом, и два золотых кубка.

– Теперь поговорим. С чего начнём: с тебя или с мира?

– С меня. Зачем ты меня похитил? И что вообще происходит в этом городе?

– Последние две недели не происходит ничего интересного: все жители мертвы, а моя армия тщательно отлавливает путешественников, не в добрый час решивших навестить Сегретту. Так что, на самом деле, я не собирался тебя похищать. Шмели убили бы тебя, успей ты переодеться в местную одежду.

– Меня пощадили потому, что я иномирянка?

– Тебя пощадили потому, что я предполагал, что с Терры кто-то придёт и дал соответствующие указания. Но я не ожидал, что это будешь именно ты, Светлана.

Только сейчас я обратила внимание, что он как-то странно произносит моё имя. «С», небольшая пауза, «ветта-лана». Ну да, в моём имени скрыты «вершина» и «шерсть», но что в этом такого? Он же не может не понимать, что на Земле много разных языков.

– И что во мне такого особенного?

– В тебе – пока не знаю. А вот твоё имя фигурировало в одном любопытном пророчестве, по легенде, сделанном Меноккио перед смертью. В нём говорится, что в час величайшей нужды из мира-прародины придёт она – мягкая, словно шерсть, и твёрдая, словно горная вершина. И решит судьбу Террины. В принципе, твоё имя – одно из возможных толкований пророчества.

Доменико наполнил кубки густой фиолетовой жидкостью из амфоры, но пить не стал. Я последовала его примеру, кто знает, что это за напиток и насколько он крепок.

– То есть, я должна спасти Террину?

– Ты решишь её судьбу. Но только в том случае, если я не убью тебя сейчас.

Когда-то давно, читая гумилёвское стихотворение «Портрет мужчины[4 - Его глаза – подземные озера,Покинутые царские чертоги.Отмечен знаком высшего позора,Он никогда не говорит о Боге.Его уста – пурпуровая ранаОт лезвия, пропитанного ядом.Печальные, сомкнувшиеся рано,Они зовут к непознанным усладам.И руки – бледный мрамор полнолуний,В них ужасы неснятого проклятья,Они ласкали девушек-колдунийИ ведали кровавые распятья.Ему в веках достался странный жребий —Служить мечтой убийцы и поэта,Быть может, как родился он – на небеКровавая растаяла комета.В его душе столетние обиды,В его душе печали без названья.На все сады Мадонны и КипридыНе променяет он воспоминанья.Он злобен, но не злобой святотатца,И нежен цвет его атласной кожи.Он может улыбаться и смеяться,Но плакать… плакать больше он не может.]», я не могла себе представить его лирического героя. И только сейчас, спустя почти десять лет, я поняла, о чём говорил поэт. Сидящий передо мной мужчина был тем, кто мог ласкать колдуний и ведать кровавые распятья. И он был злобен, но не истеричной злобой святотатца, опасной своей неразборчивостью и непредсказуемостью. Нет, это было холодное, рассудочное зло, способное к долговременному планированию, и опасное самим фактом своего существования. Я поёжилась и, успокоения ради, схватилась за свой кубок. Был ещё один вопрос, который необходимо было прояснить прямо сейчас. Но я не могла заставить себя не то, что озвучить его – даже подумать о нём. Я сидела и смотрела в непроницаемые глаза Доменике, чувствуя себя одной из тех игрушечных мышей, которых я покупала для Конкистадора.

– И нет, пока что я не стану тебя убивать. И на то есть очень важная причина. – Он не стал выдерживать паузу, наслаждаясь моим страхом. Ну да, Конкистадору тоже неважно, что чувствуют плюшевые мышки. – Мне безумно интересно, прав ли был Меноккио, и как именно ты повлияешь на судьбу мира. Ради этого я научу тебя управлять энергиями, расскажу о своих планах и даже, возможно, найду для тебя какое-то посильное дело.

– А что будет, если я откажусь?

– Убью. Быстро, ты даже не успеешь ничего почувствовать. Нельзя исключать возможность, что в тебе от сильных эмоций проснётся способность чувствовать энергию. Тогда я погибну, не закончив свою работу, а ты всё-таки повлияешь на судьбу Террины.

– Я могу подумать?

– Можешь. А зачем?– Он пожал плечами. – Но, если ты считаешь, что сложившаяся ситуация требует всестороннего обдумывания, я готов пойти тебе на встречу. Уважаю, знаешь ли, думающих людей. Я дам тебе время до завтрашнего утра. К тому моменту, как я вернусь, ты должна будешь принять решение. Устраивает?

Я медленно склонила голову.

– Тогда до завтра.

Он ушёл, оставив меня наедине с нелёгкими мыслями и кубком, полным неизвестного фиолетового напитка.

Город, как голос наяды…

Заснуть я так и не смогла. На самом деле, верное решение, хоть и далось мне нелегко, пришло почти сразу. Смерть – единственная непоправимая вещь в этом мире, и добровольно класть голову на плаху я не готова. Доменике жесток и

опасен, но погибать ради какого-то количества незнакомых мне человек? И потом, разве их судьба изменится от того, что я откажусь сотрудничать? Значит, я буду послушной спутницей и внимательной ученицей. Я вотрусь в доверие к бенанданти, получу все его знания, и обязательно отомщу за свой страх и унижения. Не знаю, как и когда, но обязательно отомщу. И я, конечно же, постараюсь спасти всех, кого смогу.

Приняв решение, я, в полном соответствии с земными традициями, попыталась напиться. Но фиолетовая жижа оказалась омерзительно сладкой и некрепкой, чем-то похожей на черносмородиновый ликёр.

И сон, как назло, не шёл. Не шли и слёзы. Кажется, я достигла того предела испытаний, когда человек либо закаляется, либо окончательно ломается.

В этой комнате не было окон, так что о наступлении утра мне сообщил сам Доменике, без стука вошедший, почти влетевший, в комнату.

– Ты решила?

– Да. Я согласна. Но мне хотелось бы хоть каких-то гарантий, что ты внезапно не передумаешь и не решишь меня убить.

– Разумеется, мы подпишем договор.

– Что мы сделаем?

– Да что у вас там происходит? Вернулись в Золотой Век и бегаете голышом по вечно плодоносящим деревьям? – Доменике скривился. – Пойдём к юристу, заключим договор, как и полагается взрослым и разумным людям. Я перечислю свои обязательства, ты – свои. Срок возьмём стандартный – год.

– Так. Давай заново. Ты ведёшь на собственный мир армию, состоящую из рептилий и шмелей, вырезаешь под корень население целого города, и планируешь пойти к юристу и составить договор о том, что я обязуюсь быть прилежной ученицей и верной помощницей в обмен на собственную жизнь? В этом мире есть юристы, готовые заверить такой документ?

– Конечно. Понятно, жизнь редко бывает неустойкой. Чаще деньги. И обязательства более материальные. Например, одна сторона обязуется выносить ребёнка и воспитать его до определённого возраста, вторая сторона обязуется обеспечивать определённый уровень жизни. Или регулируется вклад в совместное строительство. Много вариантов. Это так называемые алиос контракте[5 - Личные контракты. Искажённая латынь]. И я не собираюсь оповещать юриста о своих планах и преступлениях.

Ничего ж себе, во что у них тут семьи превратились.

– И как я могу быть уверена, что ты будешь соблюдать договор? Ну, ты собираешься захватить власть, уничтожить кучу городов, стать единоличным правителем Террины…

Договаривать я не стала. Очевидно, что если человек ступает на эту дорогу, то на законы, моральные и государственные, ему попросту наплевать.

– Дьяволы Колизея! У нас совершенно нет времени на эти разговоры! Сейчас мы отправляемся в Новую Венецию, заключаем договор и проводим там три дня, ожидая Канделиуса. Как раз будет время для подробного рассказа. Идём!

Я послушно пошла за Доменике. Надеюсь, мы сейчас придём в какое-то место, где есть нормальная женская одежда, хоть немного подходящая мне по размеру. Но нет. Пройдя ещё три комнаты, так же скудно обставленные и украшенные фресками, мы оказались во внутреннем дворике. Несколько деревьев, отличающихся от земных только желтоватым оттенком коры, пара каменных ваз с жёлтыми цветами – вот и всё, что здесь было.

– Крепко держись за мои плечи, и не вздумай паниковать.

Я вцепилась в плечи Доменике. Мысли о другой одежде отошли на задний план – когда слышишь такое предупреждение, сразу появляются проблемы более важные, чем грудь, хорошо видимая сквозь проймы рукавов. И вообще, если тут мужская мода застряла во временах Республики, может быть, женская вообще к Критскому царству тяготеет[6 - Светлана имеет в виду отличительную особенность одежды женщин крито-микенской цивилизации – обнажённую грудь.].

Пространство вокруг нас вздрогнуло. Мне показалось, что на мгновение что-то вечно текущее и меняющееся стало незыблемым. А потом дворик вокруг нас изменился. Деревья стали выше и ветвистее, ваз стало больше, к жёлтым цветам добавились рыжеватые, словно покрытые тонким слоем ржавчины.

– Опять эти бездари изменили транзиттоло.

Я не видела лица Доменике, но его голос сочился ядом, а воздух, окружающий нас, ощутимо потеплел. Хотелось опрометью кинуться бежать, но маг не разрешал отпускать руки.

– Изменили что?

– Так мы называем безопасные места перехода. Ещё двести пятьдесят лет назад было решено, что все транзиттоло должны выглядеть одинаково, вплоть до количества листьев на деревьях. Но столица опять выделилась. И отцепись от меня, наконец!

Я отскочила назад, чувствуя, как воздух вокруг меня стал сухим и горячим, как в середине лета в степи. Пришлось отойти на три шага, чтобы перестать чувствовать жар.

– Ты же запретил отпускать руки. Я и не отпускала.

–Из тебя выйдет хорошая ученица.

Доменике медленно повернулся. Я подсознательно ожидала, что в его глазах будет огонь, но нет – обычные золотисто-карие радужки и чёрные зрачки. Честно говоря, я даже немного разочаровалась. Раз уж моя судьба – стать ученицей одного из сильнейших бенанданти, почему он не выглядит хотя бы как Хранители Кристаллов, принявшие человеческий облик?

– Идём. И постарайся особо не глазеть по сторонам.

Он шёл медленно и с достоинством, можно даже сказать, по-хозяйски, словно Новая Венеция уже склонилась перед его армией.

Я глубоко вздохнула, выпрямила спину и постаралась принять такой же уверенный вид. Мелькнула мысль о побеге, но я тут же отбросила её. Мне неведомы пределы сил Доменике, но сейчас не время выяснять, сможет ли он незаметно убить меня, если я побегу.

– Быстрее. – Колдун стоял возле арки и нетерпеливо смотрел на меня. – И запомни, в Доме Льва скажешь, что ты – Тривия.

Я кивнула, и поспешила за Доменике.

Новая Венеция поражала воображение. Город словно выдули из разноцветного стекла: дома, мосты, ограждения – все самых причудливых форм – сверкали и переливались в лучах полуденного Солнца. Мы шли по широкой зеленоватой дороге, и мои босые ступни приятно холодило что-то, похожее на мягкий пластик. Взглянув вниз, я едва удержалась от вскрика: местные жители очень буквально восприняли понятие «город на воде». Дорога, по которой мы шли, не была зеленоватой – нет, она была прозрачной. И сквозь неё виднелось волнующееся море. Не знаю, левитировал город, или стоял на высоких сваях, но до волн совершенно точно оставалось не меньше двух метров.

Вниз я больше не смотрела. Благо, рассматривать местных жителей было даже интереснее, чем здания: я никогда раньше не видела такого смешения эпох и стилей. Большинство женщин напоминали ожившие картины Ботичелли: летящие, практически прозрачные платья; длинные волнистые волосы; тонкие пояса-цепочки и такие же браслеты. Рядом с ними шли женщины в старинных китайских нарядах, в испанских платьях с высокими жёсткими воротниками, в индийских сари и греческих туниках… Мужчины не отставали, но среди них чаще попадались обладатели турецких кафтанов и широких штанов.

Да, я зря беспокоилась об одежде. На фоне этого великолепия моя туника не казалась чем-то, бросающим вызов общественной морали.

Мы прошли здание, похожее на полураскрывшийся бутон лилии, и вышли к самому завораживающему мосту, который я когда-либо видела в жизни. Его перила были двумя гигантскими волнами, увенчанными клоками пены, а идти предлагалось по узкой, вмещающей только одного человека, подошве волн. И эти волны двигались! Левая разбивалась о невидимую преграду в полуметре над моей головой, правая же падала прямо в море.

– Нравится?

Доменике, всю дорогу шедший впереди меня, сбавил шаг, поравнявшись со мной.

– Это самый красивый город, который я когда-либо видела.

– Запоминай его хорошо – если мы проиграем, то Новую Венецию поглотит море.

Я хотела задать много вопросов, но Доменике снова прибавил шагу, оказавшись немного впереди меня. Да что же такое тут происходит?

За мостом город изменился. Фантасмагоричные краски и силуэты сменились строгой готикой и плавными линиями Ренессанса. Людей здесь тоже было меньше, и большинство из них были одеты в одежду итальянского Возрождения. Казалось, что я перенеслась в далёкое прошлое земной Венеции.

– Это аристократическая часть Новой Венеции, район Святых Марка и Доменика. Здесь находятся Университас дель Арс, дворец дожа, дворец Совета и жилища самых знатных родов. Когда-то здесь был и наш дворец. – Доменике сбавил шаг, позволив мне идти рядом. – Но пятьдесят лет назад его разрушили, а меня и Канделиуса приговорили к изгнанию. Лучше бы убили, пока была возможность.

– Почему?

– Потому что я вернулся. И на этот раз я подготовился намного лучше.

Доменике остановился, и я поняла, что мы пришли к тому самому Дому Льва. На крыше двухэтажного здания, целиком выстроенного из блестящего на Солнце белого мрамора, сидел… ну, наверное, с точки зрения местных жителей, это был лев. Мне это животное напомнило гривастого кота со слишком длинной и тупой пастью, короткими и очень мускулистыми лапами и длинным крысиным хвостом, заканчивающимся пушистым помпоном. А завершали сию чудную скульптуру огромные гусиные крылья.

– Эй, ты чего расплакалась?

Доменике недовольно повернулся ко мне, а я поздравила себя с отличными актёрскими способностями. Как хорошо, что я догадалась закрыть лицо руками, превратив приступ истерического смеха в плач.

– Родителей вспомнила. Говоришь, здесь я должна представиться Тривией?

Я потёрла лицо руками. Пусть думает, что я слёзы по щекам растираю.

– Да. И будь любезна держать свои эмоции в узде. Здесь не принято плакать на людях.

– Прости, не сдержалась. – И, главное, ни капли лжи. Я действительно не сдержалась.

Внутри Дом Льва поражал изысканной роскошью и полным отсутствием персонала. Ни портье, ни администратора, ни уборщиков… Я зря думала, что это аналог земной гостиницы?

Доменике привёл меня к одной из массивных деревянных дверей в левом крыле второго этажа.

– Возьмись за ручку и жди, пока я не прикажу отпустить. Если будет больно – терпи.

Я послушно сжала кошачью голову, выполненную намного более реалистично, чем лев, и приготовилась к боли. Но больно не было – только на мгновение мою голову словно сжали тиски. Сжали – и тут же отпустили.

– Можешь отпускать. Теперь, чтобы войти сюда, тебе нужно будет прикоснуться к ручке и назвать своё имя. Пробуй.

Я разжала пальцы, и тут же снова прикоснулась к ручке.

– Тривия.

Дверь с лёгким шорохом распахнулась, открывая передо мной чернильную темноту. Я осторожно шагнула внутрь и поняла, что тьма в комнате – не простое

отсутствие света, а нечто, практически осязаемое. При этом плотность воздуха не изменилась, я двигалась с такой же лёгкостью, как и всё время до этого.

Позади меня недовольно вздохнул Доменике, и я быстро шагнула вперёд. Интересно, почему он не прокомментировал то, что я невоспитанно застыла в дверях?

– Эта комната может изменяться по желанию находящегося в ней Орсеолли или человека, которого привёл один из нас. Но тебе она пока что не подчинится – только потому, что ты ещё не умеешь управлять энергией. Сейчас я буду преобразовывать комнату, а ты смотри и пытайся почувствовать, что я делаю.

И снова ожидания серьёзно разошлись с реальностью. Ни вспышек, ни лучей, ни странных запахов… Ровным счётом ничего, что мы привыкли считать непременным спутником творящегося чародейства. Спустя мгновение с того момента, как Доменике замолк, стены и потолок покрылись приглушённо светящимися изогнутыми линиями, и стало видно, что маг не делал ровным счётом ничего. Просто расслабленно стоял, глядя в никуда.

Тем временем комната разделилась на три части, отделённые друг от друга резными деревянными ширмами. В центральной – там, где мы стояли, – появилась ванна, три висящих над ней шара и ещё одна стена, на сей раз глухая. Помня устройство ванной в доме в Сегретте, я решила, что за стеной спрятан туалет. Последней выросла стена, скрывшая от посторонних глаз ванную и соорудившая небольшую тёмную прихожую.

– Твоя комната правая. Моя – левая. Дверей здесь нет – прикладываешь руку, называешь себя, проходишь. Почувствовала что-нибудь?

– Да. – Как описать ощущение, что реальность вокруг становится менее насыщенной, менее напряжённой? – Пространство стало, как воздух перед грозой. Но сам воздух не изменился.

Браво, Света! Преподаватели не зря бились с тобой четыре года! Даже пятиклассник справился бы лучше.

– Неплохо. И близко к истине. – Доменике задумчиво постучал рукой по ширме. – Из тебя действительно может получиться неплохая помощница. Вечером я

попробую научить тебя чему-нибудь. А теперь идём.

– Постой! – Возможно, этого не стоило делать, но я уже устала не понимать, что происходит. – Пожалуйста, объясни мне хотя бы кратко, что происходит.

– Ты тверда, как тысяча убежищ! Ладно, идём на мою половину, не в ванной же разговаривать.

Часть ширмы исчезла, чтобы появиться вновь, как только мы вошли в комнату Доменике. Всё то же кресло без подушки, всё то же жёсткое ложе. Точно йог.

– Ты можешь задать два вопроса.

– Зачем ты хочешь захватить власть? И откуда берётся магия, которой ты пользуешься?

– Сядь. Это долгий разговор. И у тебя остался ещё один вопрос, рассказ о магии – необходимая часть рассказа о моих планах.

Я послушно опустилась на жёсткое кресло, и преданно уставилась на Доменике. Он явно раздражён – пусть получит удовольствие от того, что его внимательно слушают.

– В летописях говорится, что магия – сейчас мы называем её энергией – была обнаружена случайно. Сначала, когда проявились крылатые коты, переселенцы думали, что это какое-то свойство местной материи. И совершенно не ожидали, что здесь на материальном уровне возможно то, что ранее было возможно лишь во сне. Их имена не сохранила история – двое бенанданти, которые на Терре были связаны узами брака с обычными грубыми крестьянами, нашли способ быть вместе во снах. И, не подумав о том, что здесь нет церковного закона, и никто не станет ни осуждать, ни наказывать их, они попытались привычно скрасить свой сон. И переместились друг в друга. К счастью, мужчина умер не сразу, и успел рассказать остальным, что произошло. Они стали осторожно пробовать пределы допустимого, и очень скоро выяснилось, что днём бенанданти ограничены только своим разумом. Ночью же наша способность влиять на мир очень мала. Так мы жили очень много лет, постигая энергию и совершенствуя искусство изменять мир. А потом энергия начала уходить. Это было около двухсот лет назад. – Доменике вскочил с ложа, принялся расхаживать передо мной. Я с

восхищением и ужасом увидела, как его фигуру окутывает красноватое сияние. – А восемьдесят лет назад уход магии ускорился. Тогда я только закончил обучение в Университас! Мне было всего тридцать лет, и у моих ног лежал мир, прекрасный и неисследованный. И с каждым годом я и другие бенанданти могли всё меньше и меньше! Дошло до того, что мы потеряли возможность изменять мир по ночам!

Сияние стало плотнее, а мой съёжившийся от ужаса разум посетила идиотская мысль, что так, наверное, происходит переход вещества в плазменное состояние. И что было бы неплохо как следует охладить воздух в комнате, пока Доменике не расплавился.

И настал холод. Сияние вокруг Доменике моментально исчезло, мои ресницы и волосы обледенели, а по стенам поползла изморозь. За доли секунды температура в комнате опустилась ниже ноля и продолжила падать. И этот холод высасывал из меня жизнь. Я обмякла в кресле, не чувствуя, ни рук, ни ног, и понимая, что это конец. Последним, что я видела, было бледное лицо Доменике прямо передо мной. Кажется, я хотела сказать что-то, но губы тоже не слушались меня.

А потом я провалилась в ничто.

Придя в себя, я обнаружила, что туники на мне больше нет, а под моей спиной что-то пушистое и тёплоё. На левой груди лежало что-то тяжёлое и источающее приятное тепло. Открыв глаза, я увидела, что рядом сидит Доменике, и это его руки отогревают меня.

– Ты сильна. Но я так и не понял, что спровоцировало выброс. – Он одобрительно посмотрел на меня, не прекращая своего занятия. Первым моим желанием было оттолкнуть его руки, но я справилась с не к месту вылезшей стыдливостью. Доменике точно лучше знает, как бороться с тем, что я учудила. – Мне пришлось ударить тебя, чтобы остановить холод. Ты помнишь, о чём думала?

– Мне показалось, что воздух вокруг тебя становится плазмой.

Судя по удивлённому лицу Доменике, в этом мире звёздами не интересуются. Странные люди. Да будь у меня на Земле такие возможности, как у них здесь…

– Плазма – одно из состояний вещества. Ну, знаешь, одно и то же вещество может быть жидким, твёрдым, и паром. – Доменике кивнул, и даже повернулся ко мне. Жаль, я плохо умею различать эмоции на лицах. Хотелось бы знать, о чём он сейчас думает. – Вот, а ещё бывает плазмообразным. Это когда температура очень высокая. Вот мне и захотелось тебя охладить.

Отвратительное, конечно, определение плазмы я дала. Но не говорить же ему об ионизированном газе, частицах, заряде частиц и прочих достижениях земной науки.

– Что же, вы не настолько отсталые, как я думал. Ты знаешь нечто такое, что неизвестно мне. – Доменике задумчиво пробежался пальцами по моей груди. Чёрт, никогда не думала, что почувствую себя героиней похабного анекдота. – Потом ты расскажешь мне о том, чего достигли жители Терры. Так вот, я остановился на том, что энергия стала уходить. Я не мог с этим смириться, и зарылся в книги. Я изучил всё, что писали учёные о природе энергии и её проявлениях, и понял – чтобы выяснить, что происходит, нужно отправиться к Солнцу.

Ничего себе! Местная магия происходит от Солнца? Но как с этим согласуется то, что сначала они могли колдовать по ночам, а потом нет?

– Но как туда попасть? Я силён, но могу взлететь лишь ненамного выше самой высокой горы. Я уже почти поверил, что ничего невозможно сделать, когда в одной из старых книг нашёл рассказ о небесном страннике, посещавшем наш мир за двести лет до этого дня. Он пришёл не через портал, а упал с неба в огромной трубе. В книге не говорилось, что произошло с ним потом, и почему он не вернулся домой, но это и неважно. Примерно тогда же мой дед участвовал в перестройке дворца Совета и рассказывал о том, что под дворцом зачем-то создали огромное пространство, защищённое тысячами барьеров. Догадываешься, что там спрятано?

Да что там догадываться, история вполне очевидна. Инопланетянин или умер от незнакомой болезни или просто убит, корабль на всякий случай спрятали. Ничего нового. Homo sum[7 - Homo sum, humani nihil a me alienum puto. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.]…, как он есть.

– Корабль, на котором прилетел небесный странник. Так ты затеял это всё, чтобы добраться до корабля, слетать к Солнцу и выяснить, куда уходит магия?

– Да. – Доменике встал, пристально осмотрел меня и удовлетворённо кивнул. – Ты в порядке. Я думал, будет хуже. Если ты хочешь спросить, почему я не пытался законно получить доступ к небесной трубе, то отвечаю – я пытался. Большой совет отказал мне. Тогда я вспомнил о возможности созвать народное собрание. После этого меня и помогавшего мне Канделиуса изгнали из Новой Венеции.

– Почему? – Осознав, что платья поблизости нет, я постаралась как-то прикрыться ковром, на котором лежала. Можно было, конечно, спросить Доменике, но я решила не отвлекать его от рассказа. Вдруг вспомнит, что я задаю уже третий вопрос.

– Большой совет заявил, что мои идеи противны самой сути этого мира. И, что если такова наша судьба, то мы должны с честью вынести лишение магии. Трусы и глупцы! Неужели они не понимают, какой катастрофой это грозит нам всем?

Ну, если я правильно понимаю, что здесь завязано на магии практически всё, то Доменике прав. Новый каменный век им обеспечен.

– А теперь я пойду в портняжную лавку, а ты подождёшь меня здесь. Туника слишком сильно пострадала во время выброса.

Бенанданти ушёл, а я легла на спину и принялась бездумно смотреть в потолок. Ситуация требовала глубокого и всестороннего обдумывания, но, кажется, все мои мысленные силы ушли на разговор с Доменике. Так я и лежала, глядя в потолок и лениво скользя взглядом по изящным узорам, когда моей безвольно свисающей с ложа руки коснулись чужие пальцы.

– Это состояние называется ретрибутис. Использование слишком сильной магии всегда влечёт за собой расплату. Вставай, одевайся. Чтобы прийти в себя, нужно двигаться.

Я послушно поднялась, накинула на себя новую тунику, краем сознания отметила, что она почти впору мне. Доменике недовольно покачал головой, глядя, как я медленно иду к ширме.

– Надо было захватить какой-то еды. Сможешь изобразить из себя крайне эксцентричную особу? – Наверное, мой взгляд, брошенный на него через плечо, был достаточно красноречив. Доменике продолжил, не дожидаясь более конкретного вопроса. – Сильные бенанданти не используют руки и столовые приборы для еды. Если мы зайдём в трактир, то всем станет очевидно, что ты или слаба или вообще не умеешь управлять энергией. Никто не поверит, что я мог связаться со слабой бенанданти, и умный наблюдатель легко поймёт, что ты – иномирянка. А это грозит нам проблемами.

– И что делать?

– Изобразить крайне эксцентричную особу. Громко заявить, что цивилизация вырождается из-за того, что люди ничего не делают руками. Потребовать у слуг хоть какие-нибудь приборы.

Ну, это не сложно. Со мной учились несколько мажорок местного разлива, скопирую их поведение.

– Хорошо.

– Тогда бери меня под руку и идём. Сначала в трактир, потом к юристу.

## Божественная комедия

За тот скандал в трактире, который я устроила, мама бы меня убила. Я презрительно высказывала официанту, что такие, как он, неспособные поднять руками даже вилку, – настоящий позор нации. Я фыркала и морщила нос в ответ на предложение принести мне что-то, что можно есть просто руками. Я требовала у Доменике немедленно уйти из этого места, где не могут как следует удовлетворить мои несложные пожелания.

Думаю, трактирщик и все официанты станцевали на радостях, когда мы наконец-таки покинули их заведение.

– Молодец. Даже посетители поверили в твой спектакль. Но тебя нужно срочно учить управляться с энергией хотя бы в мелочах. Творить такое постоянно нельзя.

– Ты совершенно прав. – Есть у меня несколько интересных предположений о том, что представляет собой ваша магия. И, если я права, то за пару недель я узнаю всё, что мне нужно, а потом скручу тебя, дорогой, в бараний рог. И сдам местным властям. Надеюсь, мне дадут выбрать внешний вид памятника и архитектуру дворца. – Мы можем начать сегодня, сразу после того, как подпишем договор?

– Я так и планировал.

Отлично. Свобода – моя и Террины – становится всё ближе. И да, пожалуй, я потребую в награду за спасение мира не дворец и не памятник, а корабль. И полечу на нём в космос, чтобы выяснить, что там происходит с энергией. Обидно попасть в магический мир, в котором внезапно закончилась магия.

– А ты расскажешь мне ещё о Террине? И о своих планах. У меня столько вопросов.

– Я же говорил, что расскажу.

Подписание договора заняло неожиданно много времени. Огромный лысый мужик в одной набедренной повязке дотошно перепроверял каждое продиктованное Доменике слово, каждую формулировку. Осложняло ситуацию то, что местная юридическая наука использовала очень много терминов, пришедших, судя по звучанию, из римского права, но изменённых в соответствии с местными правилами. И если к местной версии итальянского я привыкла быстро, то местную латынь понимала через раз. А юрист, имени которого я не запомнила, желал удостовериться, что я совершенно точно представляю, с чем соглашаюсь.

В итоге, когда мы вышли на улицу, Солнца уже не было. Пять мелких Лун висели на тёмном небе, мягко светясь оранжево-красным светом. Оригинальные у них тут спутники. Шагать приходилось осторожно, здесь улицы были вымощены самой настоящей брусчаткой, а освещения почти не было. Свечение спутников, да тусклые желтоватые окна некоторых домов позволяли видеть только

смутные силуэты предметов. Прохожих на улице не было.

– Почему здесь так темно? Я помню, что Сегретта была освещена.

– Я уже говорил, что мы больше не можем изменять мир по ночам. – Идущий рядом Доменике запрокинул голову вверх. – Некоторые думают, что это было предречено ещё двести лет назад. И некое божество послало нам луны, чтобы мы не страдали в кромешной тьме.

– Но я точно помню, что в Сегретте был свет ночью. – Так спутники искусственные? И запустили их не местные жители. И произошло это тогда же, когда Террину навестили пришельцы. Всё интереснее и интереснее.

– Был. Я нашёл способ не терять силы ночью.

Кажется, мне в некотором роде повезло, и я буду учиться у гения.

– То есть, сегодня уже не будет уроков?

– Нет. И ужинать мы будем только хлебом и сыром. Возможно, ещё вином. Если я оставил запас в Доме Льва.

– Я так надеялась уже сегодня попробовать сделать что-то необычное. – Разочарование даже играть не пришлось. Чёртов юрист!

– Ты уже сделала. Я не забыл о том, как ты заморозила комнату. И о том, что тебе известно нечто, скрытое от меня. Сегодня мы поговорим об этом. А завтра и послезавтра отправимся в холмы, выслеживать Канделиуса. Заодно и попрактикуешься.

Хлеб и сыр Доменике купил у самого Дома Льва, в маленьком строеньице, похожем на земные киоски. Каких трудов мне стоило сдержаться и сразу не вгрызться в пышный ноздреватый хлеб! Утешало меня только то, что, придя в комнаты Доменике, мы сначала обязательно поедим, и только потом начнём разговаривать. Всё-таки есть некоторая польза от их архаичного этикета.

Утолив первый голод, я отпила вина, сложила руки на столе и принялась смотреть на Доменике самым восторженным взглядом, на который была способна. Неудивительно, что через пару минут он не выдержал и отложил в сторону недоеденный кусок сыра.

– Спрашивай. Но я разрешаю тебе прервать трапезу разговором в первый и последний раз.

– Как происходит перемещение? Почему здесь до сих пор никто не знает, что ты захватил Сегретту? Зачем тебе Канделиус?

Я задумчиво посмотрела на тяжёлый серебряный кубок, в который Доменике налил мне вина. Неудобная штука, всё-таки. Неужели они так и не додумались до бокалов?

– Канделиус мне не то чтобы нужен. Когда-то он был моим соратником в попытках призвать Совет к сотрудничеству. Потом нас изгнали: я отправился в другие миры, набирать армию, а Канделиус ушёл к вратам, ждать посланца с Терры.

– Почему он был так уверен, что посланец будет?

– Потому что не раз с Терры приходили люди, обладавшие огромными знаниями и умениями. И приходили они в тот момент, когда Террина нуждалась в помощи.

– Понятно. Так зачем мы примчались за Канделиусом в Новую Венецию? – Знал бы он, как забавно слышать такие эпитеты землянам от человека, способного телепортироваться. Стараясь не выдать своих истинных мыслей, я улыбнулась и отпила вина. Густое, плотное, очень ароматное, оно совершенно меня не впечатлило. Не люблю я вино, и всё тут. Сколько мама билась, чтобы привить мне вкус к благородным напиткам – вспомнить страшно. Но я была плохой ученицей, предпочитая всем напиткам лёгкие и сладкие асти[8 - Игристые вина, произведённые на территории итальянского региона Пьемонт, в области Асти.]. Эх, маму бы сюда, она бы оценила это вино. Кстати, интересный вопрос, откуда тут вообще виноград?

– Потому что он всё равно верен Совету и знает о тебе. А я не желаю, чтобы Совет узнал о твоём появлении.

– И… Что ты сделаешь с ним? Когда найдёшь.

– Пока не знаю.

Доменике мановением руки отправил остатки позднего ужина в угол, откуда тут же потянуло холодом. Кажется, я начинаю понимать, почему тут такая беда со знаниями о мире, а пришельцы с Земли кажутся обладателями великих знаний и умений. Кстати, о Земле.

– Доменике, а где моя одежда? Та, в которой я была, когда твои слуги поймали меня.

– Должна была остаться в той комнате, в которой ты спала. Я не приказывал убирать её.

– А они не могли сами решить прибраться? – Лишь бы смартфон был цел. Пусть я не смогу никому позвонить или выйти в интернет, или даже подзарядить его, но там загружено много книг, содержимое которых будет очень полезно здешним жителям. И мне, как источнику сакральных знаний.

– Нет. Ящеры – очень исполнительные существа, они не стали бы без приказа заходить в комнаты, где живут люди. – Доменике как-то по-особому посмотрел на меня и улыбнулся. Неужто я ему нравлюсь? Или в их культуре эти взгляды и улыбки что-то значат? Чёрт, я категорически не понимаю, по каким законам живёт мир, в который я попала, и вынуждена ориентироваться исключительно на слова интеллигентного и прекрасно образованного террориста и убийцы!

– О чём теперь…

Договорить Доменике не успел, ибо в дверь постучали. Точнее, на дверь обрушился град ударов, становящихся всё сильнее. Думаю, если бы мы были в прихожей, то видели бы, как дверь содрогается всё сильнее. Я поёжилась. Вот оно: кто-то узнал о непотребствах, учинённых Доменике в Сегретте, сообщил местным властям и его пришли арестовывать. Нет, оно, может, и неплохо, но как же я? Если Доменике схватят без моего деятельного участия, то плакали мои мечты о дворце, памятнике и доступе к кораблю.

Кажется, на моём лице отразилось что-то такое, похожее на испуг, потому что Доменике, проходя, легко сжал моё плечо.

– Сохраняй спокойствие, что бы ни происходило. Никто не станет связываться со мной ночью.

Конечно. Если в местном Большом Совете сидят не идиоты, то они уже продумали, как поддерживать порядок после исчезновения магии. И, уверена, о пищалях и аркебузах они не забыли.

Выходя, Доменике тщательно закрыл за собой дверь, так что разговора я не слышала. Разобрала только, что собеседником Доменике был сородич Канделиуса – эти мурчащие нотки ни с чем не спутать. Интересно, чем так сильно долбил дверь?

– Сон отменяется. Через два дня состоится праздник обручения с Терриной и «представителя одного из древнейших родов и его очаровательную спутницу», приглашают в качестве почётных гостей дожа. – Дверь буквально испарилась. Вокруг стоящего в открывшемся проёме Доменике уже сгущалось алое сияние. – Так же дож надеется, что мы окажем ему честь и проведём время, оставшееся до праздника, в его дворце. Старый мужеложец!

Шагнув в комнату, Доменике буквально подлетел к столику, осушил залпом кубок, а потом из всех сил смял тяжёлое серебро в руке. На пол осыпалась приличных размеров горстка серебряной пыли. Как мило. Кажется, он специально дал выход своей злости, чтобы не спровоцировать очередное обледенение. И это с учётом того, что я не владею секретом, позволяющим использовать магию ночью. Меня уважают!

– Откажись. Скажи, что мы очень заняты, заглядывали только ради контракта, и завтра отбываем в какое-то дальнее и нифига не исследованное место, искать каких-нибудь редких и неизученных тварей.

– Дожу не отказывают. А если я, – Доменике особо выделил «я», – отклоню приглашение, это будет сродни объявлению войны. Дож стар, но силён. Даже я не рискну сойтись с ним в открытом поединке.

О, я наконец-таки поняла, зачем Доменике понадобилась сложная схема с наймом ящеров и захватом городов. Мерзко, конечно, но оправданно.

– То есть, утром мы отправляемся во дворец, понятно. А почему сон отменяется?

– Я отправлюсь в холмы и попытаюсь телепортировать Канделиуса. Не хотел я этого делать, но придётся.

– Почему не хотел? Сложно?

– Он может не пережить принудительного перемещения.

Я украдкой посмотрела на Доменике. Неужели ему совсем не жалко старого знакомого, поддержавшего его безумное начинание? Но бенанданти выглядел полностью погружённым в себя, на его лице не отражалось ни грусти, ни сожаления. А чего я ожидала?

– Иди в свою комнату и будь там. Если будут стучать – не открывай. Я постараюсь вернуться побыстрее.

Доменике снова одарил меня непонятным взглядом, и уже собрался уходить, как меня осенило.

– Послушай, даже если кот скажет, что я иномирянка, разве ему сразу поверят?

– Нет. Но проверить, откуда ты родом, несложно. Ты совершенно не умеешь изменять мир.

– Так научи меня! Я очень быстро учусь, правда. Даже если у нас не получится – у тебя останется достаточно времени, чтобы поймать Канделиуса. Не с рассветом же нас дож ждёт. – Видя, что Доменике колеблется, я добавила. – И потом, глупо рисковать жизнью возможного союзника. Ты же не знаешь точно, насколько он верен Совету.

Теперь во взгляде Доменике появилось уважение. Отлично, кажется, я его убедила. А самое замечательное в этом то, что теперь Доменике просто придётся рассказать мне, как он ухитряется колдовать ночью. Как же вовремя

дож прислал это приглашение!

– Это разумное предложение.

***

После получасовой лекции о том, как на магию влияет положение Солнца, звёзд и планет, я всерьёз засомневалась, действительно ли здешние жители пришли с Земли. Мы, не способные усилием мысли перемещаться и создавать стены, подобные гранталловой, за те же четыреста лет узнали о реликтовом излучении, термоядерных реакциях звёзд, гравитации и чёрных дырах, научились редактировать ДНК и ещё куче завораживающих вещей, о которых я не имею ни малейшего понятия. А они, не воевавшие, забывшие о том, что такое голод и короткая жизнь, всерьёз думают, что на Солнце живут Боги, дающие Террине свет и магию. Что Солнце, видимые звёзды, планета и спутники зародились из вселенского подобия космического молока, как головки сыра, а Боги – как черви в сыре. Теперь я совершенно точно знаю, чем займусь, когда узнаю, куда девается магия: открою школу и буду учить местных. Хорошо хоть печатать книги они уже умеют. Только для начала надо будет придумать, как заряжать смартфон, ибо я не помню наизусть всё, что написано в сохранённых там книгах.

– Так вот, теперь, когда ты понимаешь, откуда берётся магия, можно приступать к рассказу о том, как ею пользоваться…

Кажется, Доменике понял, что дальше он либо раскрывает свой секрет, либо отказывается от такого хорошего и разумного плана. Я не очень хорошо умею читать эмоции на лицах, но понять причину внезапного молчания, прикушенной губы и остановившегося взгляда смогла: бенанданти судорожно думал, может ли доверять мне. Ну же, давай, сделай правильный выбор.

– Придётся пожертвовать креслом. – Под пристальным взглядом Доменике кресло испарилось. Я снова почувствовала, как воздух в комнате становится гуще. Мда, надеюсь, магичка из меня выйдет лучше, чем распознавательница мыслей по лицам. – Обычно мы предлагаем ученикам поджечь что-то, но тебе явно ближе холод. Поэтому я хочу, чтобы ты заморозила вино в кубке.

Я наклонилась над столом, опершись руками на стол. Рубиновая жидкость, обрамлённая серебром, ждала меня, слегка покачиваясь. Смогу ли?

Рассказ Доменике о принципах использования магии изобиловал такими понятиями, как «максимальное сосредоточение», «отрешённость» и «единение с мирозданием» и мог бы без потери смысла быть перенесён в любую из земных эзотерических книжонок самого низкого пошиба. Я решила попробовать по-другому.

Вино – в сущности, та же вода. Лёд отличается от воды тем, что имеет кристаллическую решётку и иную скорость движения молекул. Если я сумею замедлить молекулы, и, возможно, подтолкну их к образованию кристаллической решётки, то вино замёрзнет. Можно, конечно, охладить кубок или воздух над ним, но мне это кажется более сложным способом.

Не успела я додумать мысль, как над вином зазмеился пар, а потом рубиновая жидкость стала прозрачным льдом с небольшими красноватыми включениями, и вылезла из кубка на несколько сантиметров. Причём воздух в комнате, как мне показалось, остался таким же плотным. И как я это сделала?!

– Ты… тты… – Доменике, кажется, в шоке. И что такого удивительного я сотворила? – Вино… в воду…

А, ну да, был же в христианстве такой сюжет, только с превращением воды в вино. Это я что, теперь в глазах Доменике – Антихрист? Неужели они тут до сих пор не додумались до органической химии? Ну ладно я – не сразу сообразила, что вино – водный раствор спирта, красителей и прочего. А Доменике, кажется, и не знал.

– Я не хотела, правда! Я сама не знаю, как так получилось! – Лучше прикинуться дурочкой. Кто его знает, может они тут тоже верят в Ад и чертей, и Доменике мне сейчас устроит полномасштабный экзорцизм.

– А ты сильна. И энергия почти не потратилась. – Доменике бережно взял в руки кубок и принялся вращать его, словно ожидая, что лёд – иллюзия, и от движения вино выплеснется на пол. Кстати, сотворить подобное было бы намного интереснее. Надо будет попробовать. – С-ветта-лана… Я начинаю верить в пророчество.

Если бы не мой недавний позорный прокол с интерпретацией его мимики, решила бы, что бенанданти ко мне клеится. Проникновенный взгляд, какие-то раскатисто-бархатистые нотки в голосе… Красавец-мужчина, террорист и маньяк в одном флаконе. И я всё ещё не забыла тюрьму, ванну и пренебрежительные высказывания о Земле. Но пока что – пока я всё ещё ни черта не понимаю, и не вернула себе смартфон – улыбаемся и строим из себя прилежную ученицу.

– Что ж. Думаю, если тебя попросят продемонстрировать умение изменять мир, ты справишься. В остальное время веди себя так же, как сегодня в трактире. Теперь спи, а я попытаюсь достать тебе приличную одежду.

Оказавшись у себя в комнате, я скинула одежду, легла на жёсткое ложе, прикрытое лишь тонким и не особо мягким матрасом. Надеюсь, во дворце дожа не так сильно любят истязать плоть, и я хоть немного полежу и посижу на мягком.

В «прихожей» хлопнула дверь, значит, я наконец-таки осталась одна. Подумать только, прошло всего двое суток с моего появления в этом мире, а я уже успела побывать и гостьей, и пленницей, и почти что добровольной ученицей. Интересно, как там мамочка с отцом? Вместе ли они, попали они в дружелюбный мир или нет? Есть ли там пророчество об их приходе, подобное здешнему? Эх, знай я, что они вместе – не волновалась бы: па – военный, умеет адаптироваться к любым условиям, и мамочку в обиду не даст.

И как там мой Конкистадор? Хорошо, не стала отдавать его в кошачью гостиницу, а подругу попросила поухаживать. Надеюсь, Криста додумается забрать кота к себе, после того, как увидит на ютубе ролик о нашем исчезновении. Я же помню, она всегда мечтала о мейн-куне.

Находясь в том, самом неуловимом, состоянии между сном и явью, я вспомнила каждого друга и знакомого, каждую улочку и каждый закоулок Новороссийска. Вспомнила, как отмечала день рождения на набережной, набрав себе и подругам мороженого в «Баскин-Роббинс». Вспомнила, как мы с Кристой и Элей гуляли по городу от памятника хамсе до «Малой Земли», и потом обязательно пили кофе в симпатичном маленьком кафе, притаившемся в одном из дворов.

Они снились мне всю ночь: знаки и символы мирной земной жизни, в которой не было ни Доменике, ни Канделиуса, ни восхитительно прекрасной и поразительно отсталой Новой Венеции. Кажется, это было прощание.

## Дворец Пандоры

Проснулась я от громкого стука в дверь. И, вскочив с кровати, подвернула ногу и больно ударилась косточкой о каменный пол. Чёрт бы побрал Доменике, с его зацикленностью на римлянах! Не делаешь дома окна, так хоть обеспечивай комнаты светом!

И тут же стена позади меня озарилась красноватым светом, а спину стало ощутимо припекать. Обернувшись, я отскочила к двери, забыв о больной ноге – матрас на кровати весело горел, распространяя запахи каких-то пряных трав. Ну что ж, почти как я хотела – в комнате стало намного светлее. Любуясь делом рук своих, я быстренько оделась и открыла дверь, приглашая Доменике полюбоваться устроенным мной костром.

– Зачем ты это сделала?

Бенанданти, снова вырядившийся в красный плащ (хорошо хоть не белый, с кровавым подбоем) и прижимающий к животу что-то большое, завёрнутое в серую ткань, ничуть не удивился пожару. Мгновение – и матрас потух, даже не подымив на прощание. То есть, магия не связана с солнечным светом? Иначе как бы мы смогли колдовать в комнате, лишённой окон? Просто смена времени суток?

– Нечаянно. Света очень хотелось.

– Обычно мы даём новичкам успокаивающий отвар. Но я думал, что тебе он не понадобится. – Доменике буквально впихнул мне в руки свёрток. – Переодевайся, и пойдём к дожу. По дороге посетим скуолу[9 - Цеховая организация венецианских ремесленников.] алхимиков, приобретём тебе немного отвара.

Дождавшись, пока Доменике оставит меня одну, я аккуратно положила одежду на кресло и с некоторым трепетом развернула серую ткань.

Серое нижнее платье из какой-то мягкой ткани типа хлопковой я надела без проблем, а вот два других заставили меня призадуматься. Собственно, в одном из них – зелёном, распашном, с широкой юбкой, рукавами-буффами и стоячим воротником, отделанным кружевом,– не было ничего сложного. Надела, пуговку на талии застегнула – готово. Но это платье было верхним. А нижнее золотистое платье, украшенное только узкой полосой кружев на запястьях, имело хитрую шнуровку на спине. Ну да, знатные дамы Венеции одевались с помощью служанок, местные явно используют магию. Но я не готова к такому филигранному телекинезу!

Почувствовав, что температура в комнате поднимается, я заставила себя успокоиться. Ну, подумаешь, нет ни служанки, ни филигранного владения магией. Зато есть Доменике, который, собственно, и додумался принести мне именно такое платье. По земным меркам я выгляжу вполне прилично: нижнее платье доходит до колен и открывает грудь только на две трети, даже соски не видно. И вообще, не сказала бы, что местные полупрозрачные платья намного скромнее.

Сказано – сделано.

– Доменике, мне нужна твоя помощь!

Бенанданти, до того момента задумчиво стоявший в прихожей, повернулся ко мне. И сразу же отвернулся.

– Прикройся! Благородной даме не следует демонстрировать нижнее платье!

То есть, пялиться на благородную даму, когда она лежит в ванной вообще без одежды – можно? Или я тогда ещё за благородную даму не считалась?

– Я не могу самостоятельно затянуть шнуровку на золотистом платье. Тебе придётся мне помочь, руками или магией, или принести наряд в греческом или римском стиле – его я и сама надену.

– Хорошо. Влезай в платье и стой спиной к двери, я помогу.

По-моему, это называется ханжество.

Когда я наконец-таки облачилась в платья, влезла в туфли из мягкой кожи на десятисантиметровой платформе и сочла себя готовой к выходу, Доменике протянул тонкую цепочку, украшенную крупным синим камнем.

– Надень это на голову. Камень должен быть надо лбом. Волосы наши женщины обычно собирают магией, я тебе помогу.

Света, помни, со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Доменике лучше знает, как принято одеваться для визита к дожу. Но почему мне так не нравится эта цепочка?

Несмотря на обещание Доменике, к алхимикам мы не пошли. На середине дороги бенанданти буркнул, что мы уже неприлично опаздываем, и он верит в мой самоконтроль, поэтому мы не станем тратить время зря и отправимся прямиком во дворец.

Площадь Марка и Доменика – сердце аристократического квартала Новой Венеции – была огромна. С трёх сторон росли неправдоподобно ровные и одинаково ветвистые деревья, покрытые желтоватой листвой. Мелкие камни, которыми вымостили площадь, складывались в какие-то узоры или даже рисунки, совершенно невидимые с земли. А посреди площади стояла золотая лестница. Каюсь, сначала я по привычке подумала, что эта инсталляция на библейские темы весьма неплоха.

– Нас ждут. – Недовольный голос Доменике резко вернул меня к реальности: сомневаюсь, что местные художники уже додумались до подобных форм художественного искусства. Значит, лестница имеет вполне очевидное назначение, и куда-то ведёт. Жаль, конечно, что не в Тир-на ног`т [10 - Иллюзорный небесный город, ближайшее отражение Амбера.].

Пятьдесят золотых ступеней! Которые, по словам Доменике, принято преодолевать без помощи магии! Оказавшись перед огромной, золотой же, дверью, лишённой замочной скважины и ручки, я так устала, что напрочь перестала беспокоиться о том, не ловушка ли это приглашение. Схватят, так

схватят – лишь бы бегать по лестнице не заставляли. Одно только интересно: дверь же не наружу открывается?

Доменике приложил руку к двери и, видимо постучался: дверь затряслась, хоть я и не ощутила никакого изменения в атмосфере. Странно. Надеюсь, дело в том, что сейчас вокруг нас огромное открытое пространство, а до этого я применяла магию только в комнате.

Дверь медленно и величественно распахнулась. Звук труб и барабанов, играющих что-то в меру торжественное, в меру воинственное, вырвался из дверного проёма, оглушая и дезориентируя. Да, нас действительно ждали.

Доменике наклонил голову и протянул руку вперёд, намекая, что я должна войти внутрь первая. Чёртов этикет! Ка же страшно, как же мне страшно.

Огромный холл был практически пуст – только мраморная лестница, украшенная какими-то драгоценными камнями, складывающимися в причудливые узоры, да стоящие у её подножия человек десять музыкантов в лохматых одеждах, отдалённо напоминающих шубы. Стараясь держать спину и голову прямо, я прошла к лестнице, и стала медленно подниматься по ней. Сзади, примерно одной ступенькой позади меня, шёл Доменике.

Музыка смолкла, едва мы вышли на широкую площадку, устланную пушистым белым ковром. Три деревянных двери, покрытых тонкой резьбой, выходили на площадку, но открыта была лишь центральная. Я уже хотела шагнуть внутрь заполненного людьми зала, но Доменике прикоснулся к моей спине. Понятно, здесь вперёд пойдёт он.

– Остановись, сын славного дома Орсеолли, и позволь гостье с Земли войти первой!

За окаменевшей спиной Доменике я не видела, кто сказал это, поняла лишь, что голос скорее принадлежит мужчине средних лет, чем немощному старцу. Ну что ж, «самый сильный бенанданти» не означает «самый хитрый политик». Интересно, о творящемся в Сегретте беспределе они тоже уже знают? Если так, то немного жаль: не стану я спасительницей Террины, и корабль с дворцом мне тоже не светят.

Задумавшись, я не заметила, как Доменике отошёл в сторону и даже изобразил галантный поклон. Из раздумий меня вывели только его подозрительно ласковые слова:

– Добро пожаловать во дворец дожей, госпожа Тривия!

Я перешагнула через порог, окунаясь в море света, перешёптываний и какого-то навязчивого остро-сладкого аромата, источаемого огромными букетами оранжевых цветов, паривших над головами собравшихся. И тут же на моё горло словно легли стальные пальцы, пока что лишь обозначающие прикосновение. Ну да, на месте Доменике я бы тоже подстраховалась.

Так мы и шли вперёд: я, расправив плечи и гордо подняв голову, удерживая на лице самую любезную улыбку, на которую была способна, и отстающий от меня лишь на шаг Доменике.

Краем уха я слышала отдельные слова, доносившиеся от волнующейся толпы, и в словах этих не было для меня ничего особо лестного. Оказывается, многие здешние аристократы считают пришельцев с Земли наглыми выскочками, способными лишь кичиться своими якобы тайными знаниями. И совершенно не считают нужным скрывать это своё мнение: за знакомство с Доменике я поняла, что местная магия если и имеет какие-то границы, то весьма расплывчатые. Эти напыщенные маги легко смогли бы скрыть от меня свои разговоры, если бы постарались.

Дож стоял в центре самой пышно одетой и молчаливой группы. Высокий, очень похожий на Доменике, одетый во что-то, отдалённо напоминающее поздний рыцарский доспех, он выглядел одновременно и мило и величественно.

– Добро пожаловать в Новую Венецию, госпожа Тривия! Мы всегда рады приветствовать в нашем доме гостей из мира, некогда бывшего нам родным! Всего восемьдесят шесть лет назад мы попрощались с уважаемым учёным Джереми, прибывшим к нам из Соединённого Королевства и спасшим наш народ от ужасной болезни. – Дож говорил громко, его голос был хорошо поставлен. Но я всё равно расслышала, как одна из стоящих справа от меня дам недовольно проворчала, что уважаемому Джереми следовало сделать своё дело и мирно доживать свой век в отведённом ему дворце, не пытаясь навязать всем и каждому свои бредни о необходимости ежедневного мытья. – Мы благодарны

Доменике Орсеолли, представителю одного из древнейших и благороднейших родов, что он нашёл вас и дал вам кров и пищу! Мы так же надеемся, что вы найдёте наш дворец не менее удобным и приятным для жизни, чем покои семьи Орсеолли в доме Льва. Лучшие мои слуги ежечасно будут рядом с вами, рассказывая о наших обычаях и традициях. Вы не будете знать нужды ни в нарядах, ни в изысканной пище!

Мда, не очень-то меня тут и ждали. А дож хороший политик: вот тебе слуги, шмотки и еда, а серьёзные дела не лезь. Многих бы устроило.

– Многоуважаемый Фредерике Моста, смею заметить, что между мной и госпожой Тривией заключён алиос контракте на ученичество. – Интересно, зачем Доменике это сейчас сказал? Хотя, судя по тому, как вытянулось лицо у стоящей рядом с дожем светловолосой и крайне высокомерной девчонки, смысл в этом был.

– Многоуважаемый Доменике Орсеолли, мне остаётся только поаплодировать вашей разумности и гостеприимности. Согласно закону и обычаю, вам будут отведены специальные покои и предоставлено право посещения дворцовой библиотеки. Надеюсь лишь, что ваши занятия не помешают вам присутствовать на празднике Обручения с Терриной.

– Мы обязательно посетим праздник. А теперь позвольте нам удалиться: госпожа Тривия не привыкла к подобным приёмам и желает отдохнуть.

Стальные пальцы на моей шее немного сжались, и я поспешно наклонила голову и застенчиво улыбнулась, подтверждая слова Доменике. Эх, все они тут одним миром мазаны. Ну ничего, не всё коту масленица!

Доменике уверенно шёл по коридорам и галереям дворца, изредка раскланиваясь с другими аристократами и представляя им меня. Имён представленных я не запоминала – достаточно было того, что я видела их лица: брезгливо-заинтересованные, скучающие и откровенно оценивающие. Да земные биологи добрее смотрят на редкое насекомое!

А стальные пальцы всё сжимали шею, и я дружелюбно улыбалась, здоровалась и протягивала руку для поцелуя. Помня о том, что за отваром мы так и не зашли, я ожидала, что с минуты на минуту воздух вокруг меня станет плазмой или

обратится в лёд. Но ничего подобного не происходило, и я начала догадываться, что Доменике дал мне что-то, блокирующее возможность чувствовать энергию.

С учётом того, что мы с утра ничего не ели и не пили, варианта оставалось два: головное украшение или одежда. Когда Доменике в очередной раз разговорился с каким-то ублюдком, бросавшим на меня откровенно масленые взгляды, я попыталась незаметно снять с головы украшение. И потерпела неудачу. Ничем не зафиксированная цепочка держалась на моих волосах, как приклеенная. В голове всплыли слова Доменике: «Волосы наши женщины обычно собирают магией, я тебе помогу». Значит, вот в чём дело. Ну что ж, ещё один серебренник на счёт, который я однажды предъявлю бенанданти.

Когда мы наконец добрались до покоев, я пылала от ярости, а милая улыбочка, казалось, приклеилась к моему лицу навечно. Первой комнатой покоев было что-то похожее на гостиную: несколько мягких кресел, круглый стол и стулья вокруг, два огромных окна, разделённые стеллажом. Стол уже был сервирован на две персоны: несколько больших блюд, накрытых крышками, тарелки, кубки, графин с вином и, конечно же, никаких приборов.

– Как ты думаешь, мне стоит попробовать есть с помощью телекинеза? – Увидев непонимание в глазах Доменике, я поправилась. – С помощью энергии, я имею в виду.

– Не стоит. Новые платья будут только завтра, а чистить одежду с помощью магии очень опасно. Можешь остаться вообще голой.

Ну да, если вы никогда не слышали ни о химии, ни о материаловедении, то, естественно, не сможете отделить грязь от ткани. Хотя я подозреваю, что Доменике попросту не хочет, чтобы я поняла, почему не чувствую магию.

– Сейчас позавтракаем и пойдём в библиотеку. Ты будешь читать книги о истории Террины, а я поищу нужную мне информацию. – Лицо бенанданти на миг приняло хищное выражение. – Всё-таки, очень удачно всё сложилось, хоть я и ума не приложу, как они узнали, кто ты такая.

– Кстати, раз уж они знают, кто я, значит, они знают и о твоих воинах.

– С чего ты это взяла?

– Очевидно же: раз они знают обо мне, значит, есть что-то, что отслеживает проход. А шмели и ящеры, как я понимаю, тоже не отсюда.

– Ошибаешься. Я нашёл их во время изгнания, когда путешествовал по Террине. Они живут на другой стороне планеты.

Мда. Я так понимаю, бенанданти на Земле становились только совершенно не любопытные люди. И, к тому же, чересчур самоуверенные. Он правда думает, что я уже забыла о его словах насчёт другого мира?

Библиотека дворца дожа меня совершенно не впечатлила. Точнее, не впечатлили книги, собранные в ней. Сама библиотека была хороша: три зала, посвящённые магии, истории и художественной литературе, были богато украшены, заставлены стеллажами, удобными креслами и столами, на каждом из которых стояла полная чернильница, лежали перья и бумага.

А вот книг было немного. И, честно говоря, для меня, привыкшей к фактам и доказательствам, залы истории и художественной литературы не сильно отличались друг от друга. Единственной книгой, показавшейся мне достойной доверия, оказались записки Захарии – того самого сына Доменико Сканделы, с которого и началось это путешествие.

Со скрупулёзной точностью сын мельника фиксировал, как беглецы обустраивались на новом месте, как изучали магию, как одновременно радовались новому, прекрасному миру и тосковали по дому. К сожалению, Захария прожил всего семьдесят лет после прибытия на Террину и умер нелепой смертью, порезавшись окровавленным кинжалом, который не успел вытереть после охоты.

Книга была небольшая, читалась легко, так что я закончила намного раньше Доменике и удобно откинулась в кресле, обдумывая прочитанное. Если через два дня праздник Обручения с Терриной, значит сегодня – последний день лета, а завтра – первый день месяца Меноккио. Единственный месяц, который переселенцы переименовали – сентябрь, отдавая тем самым дань своему спасителю. Сутки здесь длиннее земных примерно на четверть, год – на сорок дней. Среди бенанданти не оказалось ни астрономов, ни астрологов, так что никто над этим не задумывался: отдали лишние дни февралю, и всё. Подозреваю, что, с учётом того, что Новая Венеция и все обжитые земли

находятся на экваторе, местный год очень сильно отличается от астрономического, но терринцев это почему-то устраивает. Или же они попросту не знают об этом.

Религия тут какая-то странная. Не отрицая наличие Бога и ангелов, местные решили, что, раз уж Иисус сюда не приходил, значит, евангельские заповеди не обязательны к исполнению. Кое-где стоят христианские церкви, построенные ещё первыми поселенцами, но туда почти никто не ходил даже во времена Захарии. Зато тогда уже начал формироваться культ Божественного Солнца, дающего магию и вечную жизнь. К сожалению, я так и не поняла, как именно выглядят службы этого культа, очень уж скупо было об этом сказано в книге. Думаю, дело в том, что тогда культ только зарождался. Надо будет уточнить у Доменике.

Но самое интересное оказалось в конце книги. Незадолго до смерти Захария увлёкся изучением разных материалов и их взаимодействием с магией. И подробнейшим образом изложил в своих записках результаты наблюдений. Оказывается, я могла чувствовать энергию и управлять ей, не видя Солнца, потому что некоторые виды камня пропускают энергию. А металлы, по крайней мере, те, которые были известны во времена Захарии, её отражают. Вот так. Значит, мои предположения были правильны. А из того, что артефакт, мешающий мне колдовать, крепится на голову, очевидно следует вывод: с энергией взаимодействует мозг, и никакие другие части тела в этом не участвуют.

Увидев, что Доменике закончил со своими поисками и идёт ко мне, я спешно отложила мемуары Захарии, схватила жуткого вида книгу с золотым Солнцем на обложке, озаглавленную «Величайший Податель и жизни и магии» и сделала вид, что поглощена чтением.

– Возьми книгу с собой, дочитаешь в наших покоях. – Доменике пренебрежительно мазнул взглядом по мемуарам Захарии, но ничего не сказал. – Нам пора идти к себе, уже время обеда. А к вечеру нас ждут на бале, который дож даёт в твою честь.

Вспомнив «прекрасное» общество, окружавшее дожа утром, я поёжилась.

– А отказаться от бала никак нельзя? Мог у меня заболеть живот от непривычной пищи?

Судя по удивлённому взгляду Доменике, от таких досадных неприятностей их магия избавила.

– Не мог. Ни у кого из предыдущих гостей не было ничего подобного. А отказ от бала – несмываемое оскорбление дожу. Так что придётся идти. – Неправильно истолковав мою кислую физиономию, Доменике добавил. – Мне тоже кажется, что этот бал затеяли неспроста, и дож что-то замышляет против меня. Но если мы не явимся, это будет очень подозрительно.

В расстроенных чувствах, я дошла до наших комнат и, уже практически открыв дверь, остановилась. Под дверью, на небольшом металлическом подносе, лежали конверты из синей бумаги. Мне показалось, что из было никак не меньше пяти. Наклонившись, я взяла один из них в руки, но тут же положила обратно: в верхнем правом углу изящным почерком было написано «Для Доменике Орсеолли».

– Что там?

Доменике остановился за моей спиной, но заглядывать через меня не стал. Боится лишний раз поглядеть в декольте благородной дамы?

– Письма в синих конвертах. Верхнее для тебя, насчёт остальных не знаю.

Я собрала письма с подноса, поднялась, и протянула бенанданти корреспонденцию. Он осторожно взял их, словно опасался, что конверты могут взорваться при неосторожном обращении, испарил поднос.

– Идём, я безумно голоден. А содержимое этих писем можно просмотреть и после обеда.

Пообедав (на сей раз я была не так зла, как утром, и смогла в полной мере оценить мастерство местных поваров), Доменике выложил на стол шесть синих конвертов и, недовольно покачивая головой, принялся читать письма. Я хотела было уйти к себе, за деревянную дверь, на которой была табличка «комната

ученика», но осталась, снедаемая любопытством.

Наконец он дочитал, положил письма на стол и странно посмотрел на меня.

– Шестеро представителей старых родов: пятеро мужчин и одна женщина интересуются тобой. В основном они хотят знать, включает ли наш контракт на обучение твою обязанность согревать мою постель и, если это так, за какое возмещение я готов поделиться своим правом на несколько ночей. Если же наш контракт не оговаривает таких подробностей, то могу ли я как-то повлиять на тебя, чтобы ты приняла правильное решение.

– Я не стану греть постель ни одному из этих «представителей старых родов». И «правильного решения» принимать тоже не буду. – Я сжала кулаки, комкая скользкую ткань верхнего платья.

– Вот как. – Кажется, Доменике удивился моей категоричности. – Знаешь, это довольно распространённая практика. Ты могла бы получить ценные подарки или знания, которые хранятся в старых родах и могут быть неизвестны и полезны мне. – Он замолчал, пристально глядя на меня. Неужели надеется, что я ещё могу передумать?– Конечно, я могу заставить тебя согласиться… Я могу даже сделать так, что ты добровольно предложишь себя каждому заинтересовавшемуся…

Он что, ждёт, что я брошусь ему в ноги, умоляя не делать этого? А ведь, пожалуй, может и дождаться. Я уже практически сдалась, и на полном серьёзе размышляла, стоит ли сразу падать на колени или для начала можно просто попросить, как меня осенило.

– Это будет очень недальновидно с твоей стороны, Доменике. – Я постаралась ухмыльнуться как можно наглее. – Я ведь помню, в контракте была строчка о том, что он может быть разорван в одностороннем порядке, если сторона сможет выплатить триста тысяч либров. Неужели ты думаешь, что ни у одного из заинтересованных не найдётся такой суммы? Или ты думаешь, что они не согласятся заплатить её за те знания, которыми я обладаю? – Доменике собрался что-то возразить, но я не обратила на это внимания. – Я понимаю, ты можешь заставить меня молчать магией, но так ли ты уверен в том, что этот запрет подействует так, как надо? Вспомни: я творю необычные вещи, даже не зная практически ничего о магии. Да, и на сегодняшний бал я не пойду.

Выкручивайся, как хочешь.

Я решительно подошла к стеллажу, взяла книгу, которую забрала из библиотеки, и, не глядя на Доменике, скрылась в своей половине покоев.

Хотелось упасть на кровать и разрыдаться, но я не была уверена, что бенанданти не сможет узнать, чем я сейчас занимаюсь. Поэтому я сняла верхнее платье, аккуратно разложила его на кровати, а сама опустилась в кресло и погрузилась в чтение.

## Осенний бал обручения

Я не видела Доменике до следующего вечера. Еду мне приносила служанка, тихая и недружелюбная женщина, явно недовольная своей работой. К счастью, на качестве блюд её недовольство не сказалось, так что я (впервые с того момента, как оказалась на Террине) чувствовала себя замечательно. «Величайшего подателя жизни и магии» я дочитала к утру и с лёгким сердцем выкинула из головы всё, что там было написано. Редкостного идиотизма оказалась книга.

Оставшееся время я строила планы. Понятно, что здесь меня никто не ждал и особых преференций мне не светит. Возможно, представься я настоящим именем, всё было бы по-другому. Но, как мне кажется, уже поздно. Меня вполне могут заподозрить во лжи, да и Доменике здесь явно пользуется большим авторитетом, чем я. Эх, не знают они о планах своего сородича. И намекнуть не получится.

Значит, нужно дождаться момента, когда преступления Доменике станут известны всей Террине, убить или пленить его, а потом потребовать от местных корабль и уважения. А потом заняться просвещением этих непонятных, совершенно нелюбопытных людей. Если по уму скрестить магию и технологии, можно, наверное, колонизировать другие планеты и звёздные системы. Интересно, это наша Вселенная или какая-то параллельная?

Мои размышления прервал стук в дверь. Впрочем, стук этот был совершенной формальностью – Доменике вошёл, не дав мне времени ответить. Он явно был чем-то недоволен и, кажется, немного пьян. Во всяком случае, от него пахло не вином даже, а чем-то более крепким и выпитым в больших количествах, чем нужно для сопровождения трапезы.

– Ты не представляешь, сколько проблем доставила мне своими капризами. Когда мы вернёмся в Сегретту, я непременно накажу тебя, как положено. А теперь слушай внимательно: праздник начнётся завтра после того, как взойдёт Солнце. Твою одежду принесут за час до рассвета, и я хочу, чтобы ты бодрствовала в этот момент. Если платье не подойдёт – переделывать его будет поздно.

– Я буду готова. Но, Доменике, у меня есть одна небольшая проблема. – На всякий случай я замолчала, ожидая позволения говорить. Зачем злить бенанданти по пустякам? Когда он нетерпеливо кивнул, я мило улыбнулась. – Мне хотелось бы помыть голову перед завтрашним праздником. А ты так хорошо укрепил мою причёску магией, что я не могу даже украшение снять, не то что распустить волосы.

– Я не подумал об этом.

Цепочка плавно соскользнула с освобождённых волос, и я снова ощутила напряжение пространства. Интересно, Доменике и правда считает меня такой дурой? С другой стороны, а куда я денусь то из ванной?

С появлением магии проблема «как проснуться за час до рассвета» пропала сама собой. Весь вечер, пока солнечные лучи попадали в моё окно, я тренировалась использовать магию. К закату я уже могла пошевелить ветром подол собственного платья и поднять телекинезом небольшой кусок хлеба. Я даже смогла поставить небольшой эксперимент: попыталась вызвать ветер просто как ветер (дуй, зараза, дуй!) и, создав локальную область высокого давления. С давлением получилось и легче и сложнее одновременно: вызвать движение воздушных масс я смогла, а вот придать им направление – нет. В общем, как мне кажется, изменять мир проще, если понимаешь не только, чего хочешь, но и как это происходит. Вот только упростить себе телекинез я так и не смогла: оно понятно, что надо как-то отменить или уравновесить гравитацию, но как? Создать вокруг куска хлеба магнитное поле у меня попросту не получилось, а при попытке использовать что-то типа воздушной подушки, хлеб взлетел так

стремительно, что ощутимо ударил меня в лоб. На этом я и прекратила экспериментировать.

Едва Солнце окончательно скрылось за горизонтом, напряжение пространства начало спадать. И спадало оно очень быстро: я успела только поджечь пару толстых свечей. Остаток ночи я размышляла над двумя очень важными вопросами. Во-первых: если эта энергия – побочный продукт реакций местного Солнца, то чем именно здешние звёздные циклы отличаются от наших? И во-вторых: почему энергии нет ночью? Ну ладно: нет естественного спутника – ничто не отражает на планету солнечный свет, тут всё логично. Но ведь свет от остальных звёзд никуда не девается! Или местное Солнце единственная звезда с такими характеристиками? Или магия рассеивается с расстоянием?

Когда небо стало сереть, я перекочевала в гостиную: часов мне не выдали, а пропустить визит портнихи и пойти на праздник в мешке из-под картошки как-то не охота.

Едва в окне забрезжили первые солнечные лучи, как та же служанка, которая приносила еду, вошла в гостиную, «нагруженная» двумя небольшими тряпичными свёртками и завтраком. Глядя на летящие за ней поднос и свёртки, я восхитилась чёткостью работы. Теперь я понимала, как это сложно и какой концентрации требует. Не удостоив моё пожелание доброго утра ответом, служанка отправила поднос на стол, тряпки – на диван и беззвучно удалилась.

Удивлённая и, чего таить, немного обиженная, я проигнорировала завтрак и принялась разворачивать свёртки с одеждой. И нервно расхохоталась, глядя на два практически одинаковых, длинных – до пят – мешка с рукавами и вырезом для головы. Интересно, и что тут могло оказаться не по размеру?

Доменике вышел из своих покоев примерно через полчаса после того, как я оделась, и, увидев меня, застыл на месте.

– Это ещё что такое?

– Платье. Служанка утром принесла. Слушай, я не хочу оспаривать твои распоряжения, это твой родной мир и ты его лучше знаешь, но что тут могло оказаться не по размеру? Тебе такое же принесли, кстати. Уж извини, пришлось оба свёртка развернуть, они не подписаны были.

Доменике подошёл к расстеленной по дивану хламиде, потрогал её… потом потрогал ещё раз. Надеется, что сейчас исчезнет или превратится в нормальную одежду?

– А в чём дело? Раньше на этот праздник так не одевались?

– Праздник Обручения с Терриной – своего рода театрализованное представление, продолжающееся весь день и всю ночь. Нам с тобой достались очень, очень почётные роли – роли духов Террины, сопровождающих дожа и принимающих его подношения. Но, видишь ли, Светлана, эти роли подразумевают ношение золотых ободков.

Вот это он расстроился. Даже забыл, что мне не полагается знать о том, что металл блокирует способность чувствовать магию.

– И что такого плохого в золотых ободках?

– Надетый на голову металл не позволяет чувствовать магию.

– А, вот в чём дело… – Я состроила обиженную мордочку.

– В первый раз появиться на приёме у дожа без головного украшения было бы не прилично. – Киваю, улыбаюсь, делаю вид, что всё поняла. Пусть лучше продолжает считать меня одарённой дурочкой.

– Но в свёртках не было никаких обручей.

– Выдадут перед началом действа. Это особые обручи, старинные. Вроде их ещё с Терры привезли. – Доменике принялся мерить комнату шагами. – Не нравится мне всё это, очень не нравится.

– Почему? Ты же сам говоришь, что это очень почётные роли. И зачем такие сложности: приглашать нас во дворец, давать принять участие в представлении… Если нас здесь убьют, то все сразу поймут, кто заказчик.

– И что? Дож не станет марать собственные руки убийством. Подстроит несчастный случай, и дело с концом.

Я пожала плечами и принялась за завтрак. Доменике бредит: что мешало дожу устранить нас как-то по-другому, зачем такие сложности? И потом, даже если бенанданти внезапно прав и эти роли – ловушка, то мне уж точно ничего не угрожает. Пусть здесь и не любят пришельцев с Земли, но полезность их признают – сама слышала. В самом крайнем случае признаюсь, что про меня есть пророчество. Если нападут – Доменике будет слишком занят, чтобы мне помешать. Так что, возможно, мне будет даже лучше, если почётные роли – дары данайцев[11 - «Бойтесь данайцев, дары приносящих» – слова троянского жреца о Троянском коне.].

– Напоминаю: чтобы ни случилось – ты должна слушаться беспрекословно.

Доменике выглянул в окно и схватил с дивана своё «одеяние».

– Доедай, пока я переодеваюсь, потом идём. Представление скоро начнётся.

Огромный холл дворца был полон причудливо одетого народа. Фавны, дриады, наяды – почти все костюмы я легко узнавала с первого взгляда. Затруднения вызвали только люди в блестящих золотых одеждах и клубки коричневой шерсти, из которой торчали только головы и ноги актёров. На мой вопрос Доменике ответил, что эти актёры олицетворяют магию и землю. Ну… в принципе, логично.

Наше появление встретили восторженными криками.

– Почему они так радуются?

– Потому что после того, как духов Террины коронуют, начинается представление.

Трубы заиграли что-то торжественное, и все присутствующие повернулись к лестнице и замерли. Дож, одетый в такие же хламиды, как и я с Доменике, торжественно спускался в холл. За ним следовали мальчик и девочка, выкрашенные золотой краской и одетые лишь в набедренные повязки. Дети

несли на вытянутых руках подушечки, на которых лежало то, что Доменике скромно назвал «обручами»: массивные золотые короны, снабжённые каким-то винтиками и шестерёнками. Но мне было совсем не до корон и не до праздника.

– Доменике, когда эти дети пойдут отмываться?

Бенанданти укоризненно покачал головой и отвернулся, явно намекая, что мне не следует прерывать праздник. Чёртово средневековье!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Участники частично уцелевшего до наших дней древнего земледельческого культа Северной Италии, который привлек внимание инквизиторов в конце XVI века своими ритуальными ночными сражениями с ведьмами и колдунами за урожайность посевов и плодовитость домашнего скота. В число бенанданти входили мужчины и женщины, родившиеся "в сорочке", то есть в оставшейся вокруг тела и особенно головы внутренней оболочке плода.

2

Подробнее о крылатых котах Земли можно прочитать в рассказе «Мира, крылатая кошка».

3

Университет искусств, дословно – общность искусств. Искажённые латынь и итальянский

4

Его глаза – подземные озера,

Покинутые царские чертоги.

Отмечен знаком высшего позора,

Он никогда не говорит о Боге.

Его уста – пурпуровая рана

От лезвия, пропитанного ядом.

Печальные, сомкнувшиеся рано,

Они зовут к непознанным усладам.

И руки – бледный мрамор полнолуний,

В них ужасы неснятого проклятья,

Они ласкали девушек-колдуний

И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —

Служить мечтой убийцы и поэта,

Быть может, как родился он – на небе

Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,

В его душе печали без названья.

На все сады Мадонны и Киприды

Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,

И нежен цвет его атласной кожи.

Он может улыбаться и смеяться,

Но плакать… плакать больше он не может.

5

Личные контракты. Искажённая латынь

6

Светлана имеет в виду отличительную особенность одежды женщин крито-микенской цивилизации – обнажённую грудь.

7

Homo sum, humani nihil a me alienum puto. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

8

Игристые вина, произведённые на территории итальянского региона Пьемонт, в области Асти.

9

Цеховая организация венецианских ремесленников.

10

Иллюзорный небесный город, ближайшее отражение Амбера.

11

«Бойтесь данайцев, дары приносящих» – слова троянского жреца о Троянском коне.

---

Купить: https://tellnovel.com/urusova_anna/novyy-mir-transformaciya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити